

891.71-93-1

М. ЗВЕРЕВ

3-433

М. ЛЕВАСОВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КРЯКРЯКА

«СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ»

В библиотеку им. А.С. Пушкина

М. ЗВЕРЕВ
М. ЛЕВАСОВ

891.91-93-1

3-433

РК

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
КАКА
И КАКА

РИСУНКИ
Ю. БОГОРОДСКОГО

Издательство «Советская Россия». Москва. 1971

КРЯК
И
КРЯ

В

утиной стае, зимовавшей в Африке, сразу же случилось необычайное происшествие. Уточка чирок едва успела прилететь на берег Нила, как снесла два яичка и села их высиживать!

— Бесстыдница, — говорили ей другие утки. — Видано ли, слышано ли, чтобы порядочные северные утки неслись в Африке во время зимовки?

Аист, прилетевший с Украины, где сейчас был снег и метели и нельзя было найти ни одной лягушки, только покачивал головой. Он не любил вмешиваться в чужие дела, но считал, что двух чирков вполне может прокормить такая большая теплая страна, тем более что утята рано становятся самостоятельными и не будут нуждаться в особых няньках.

И вот появились два пуховичка.

Мама утка была взволнована и очень счастлива. Все ее поздравляли. Аист принес малышам головастика-лягушонка, но они не знали, как его едят, и начали тащить в разные стороны.

Фламинго опустил свою голову с изогнутым клювом в воду и достал длинного червяка. Ах, какое это было вкусное угощение!

Чирята с благодарностью посмотрели на дядю Фламинго и сказали ему пи-пи-пи!

— Теперь добывайте червяков сами, — сказал Фламинго и показал, как это надо делать.

Чирята пытались нырять, но у них не получалось. Они были легкие, как поплавки, и вода их все время выталкивала наверх.

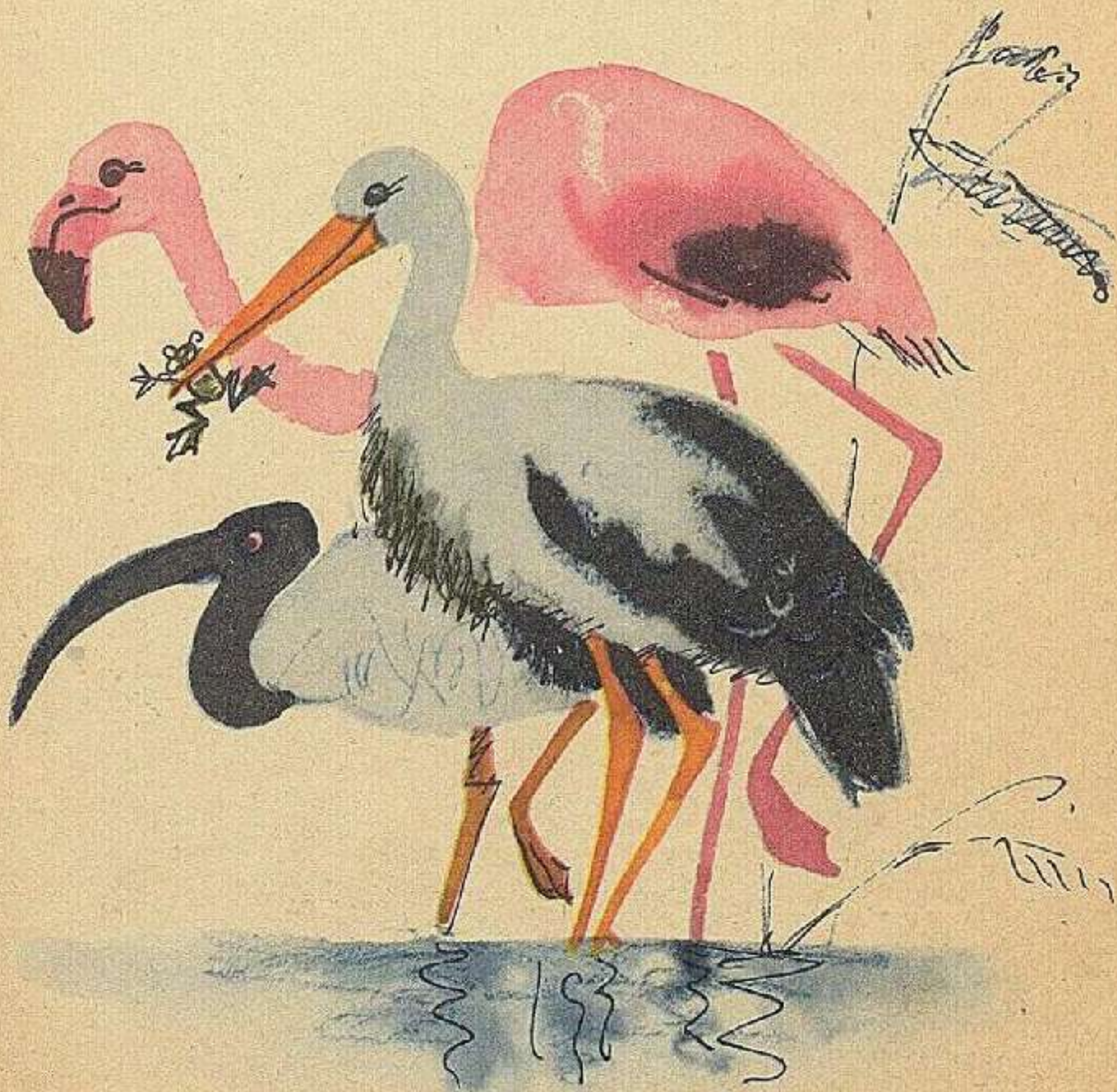
Все-таки было очень весело проводить день на небольшом озере около Нила. Нырять они научились быстро. Нырнешь, откроешь глаза, и все видно: и дно, и водяные растения и какие-то веселые рыбки, которые носятся стаями то в одну, то в другую сторону.

Первые дни все было хорошо. Малыши далеко от мамы не отплывали, чуть что — к ней. А потом оказалось, что у двух чирят характеры совсем разные, хотя они вылупились из совершенно похожих друг на друга яиц.

Тети утки сначала возмущались, что утка чирок вывела в чужом краю малышей, но теперь баловали чирят.

Один из чирят по имени Кряк все старался нырнуть поглубже,

чтобы достать со дна червяка или сладкий корешок. Как только его начинали останавливать, он нырял еще глубже, и таким образом, все советы пролетали мимо его ушей.

Кроме того, он был не в меру любопытен, ему все надо было знать. Когда ему говорили старшие, он только заодно поводил носиком, мол, мы и сами с усами, и все делал наоборот.

Сестрица Кря старалась держаться поближе к маме, спала под ее крылышком и так привыкла, что за ней все ухаживают, что даже лапкой шевельнуть ей было лень.

Как-то раз Кряк задумал с озера перебраться на большой Нил и стал звать с собой Кря.

Фламинго услышал их разговор и покачал головой:

— Ты еще летать не умеешь, а уже на Нил захотел. Съедят тебя крокодилы.

— Меня? Крокодилы? — надменно ответил чирок, важно переваливаясь из стороны в сторону. — Что мне крокодилы, я сам любого крокодила съем!

— Не говори глупости, малыш. Ведь ты недавно из яйца вылупился.

— Ну и что ж! Не боюсь я крокодила, и все тут!

Однажды, когда все утки еще спали, засунув головки под крыло, маленький чиренок Кряк потихоньку вылез из-под материнского крыла и стал пробираться меж камышей к Нилу, чтобы доказать дяде Фламинго, что он не боится крокодила.

Было еще очень рано, камыши кутались в тумане. В предутренней тиши чирок шуршал сухим тростником. В камышах ночевали скворцы. Они испуганно вылетели, а чирок довольно поводил своим клювиком:

— Какой я смелый. Меня все боятся, сколько птиц поднимается на крыло из-за меня!

Вот и Нил. Он был залит первыми лучами солнца. Огромный крокодил, как бревно, лежал на песке и грелся.

— Я тебе покажу! — погрозил ему чирок, но крокодил даже не пошевелился, он дремал. Крокодил был стар, глуховат и слеповат.

Чирок забрался ему на хвост, пошел к голове, отсчитывая шаги.

Идти по спине крокодила было трудно, приходилось перешагивать через твердые бугры, как будто по спине чудовища была рассыпана корзина камней.

Наконец чирок достиг головы и пошел по длинному крокодильему носу. Крокодил чуть приоткрыл правый глаз и даже не пошевелился, хотя чирок наступил ему на ноздрю.

«Интересно, у меня ни одного зуба, а сколько у крокодила», — подумал Кряк.

Крокодил зевнул, открыл пасть, точно приглашая:

— Пожалуйста, заходи!

Маленькая серая птичка села ему в пасть и стала выклевывать пищу, которая застряла между зубами.

Но вдруг Кряку стало страшно, захотелось скорее к маме под крыло.

Но он пересилил это чувство и закричал в самое ухо крокодила:

— Дядя Крокодил, а я тебя ни капли не боюсь!

Крокодил даже и глазом не моргнул.

— Не боюсь я тебя. Вот видишь, около твоего уха стою!

— Ты подрасти, пожирней стань, тогда скажешь мне это снова, — сказал крокодил сквозь зубы.

Кряк вернулся домой далеко за полдень.

— Где ты был? — сказала мама. — Мы тебя всюду искали!

— У Крокодила! Он мне сказал, чтобы я подрос, пожирней стал и потом пришел снова.

— Какой хитрый Крокодил! — испуганно воскликнула мама.

Кряк посмотрел в воду и увидел, что он еще очень маленький и очень худенький.

— Ну как он будет есть тебя, — сказал Фламинго, — он даже и не заметит!

— Ну, это мы еще посмотрим, — заносчиво ответил Кряк.

Под жаркими лучами тропического солнца Кря и Кряк росли не по дням, а по часам.

— Все говорят, что скоро на мамину родину полетим, — сказала однажды Кря своему брату.

— Я слышал, что туда полетят все, когда там будет весна.

— А когда там будет весна?

— Давай спросим у Фламинго.

Утята подплыли к берегу, где стоял на одной ноге Фламинго.

— Уважаемый Фламинго, — спросил Кряк, — когда будет весна на родине у нашей мамы?

— Мало ли родин у нас на земле, — ответил неопределенно Фламинго.

— Где родина у чирков?

— Одни летят в Польшу, другие — в Сибирь.

— А где ваша родина, почтенный Фламинго?

— Озеро Тенгиз в Казахстане, там чудесные мели, такие топкие, что ни волк, ни лиса не могут подобраться к нашим гнездам. Уже тысячи лет в этих местах живут мои дальние и ближние родичи.

— А мама говорила, что она балхашская.

— Возможно, я лично на Балхаше не бывал.

Фламинго бродил в мелкой воде недалеко от берега, высоко поднимая ноги, длинные и тонкие, как спицы.

— А вы здорово подросли, чирята, — добродушно заметил он.

— Еще бы, — приосанился Кряк, — я сейчас один съедаю водорослей и червяков вот какую кучу, — и он показал крылом выше себя.

— Молодцы! У кого хороший аппетит, тот сильный будет, только тренируйтесь больше, скоро лететь далеко придется.

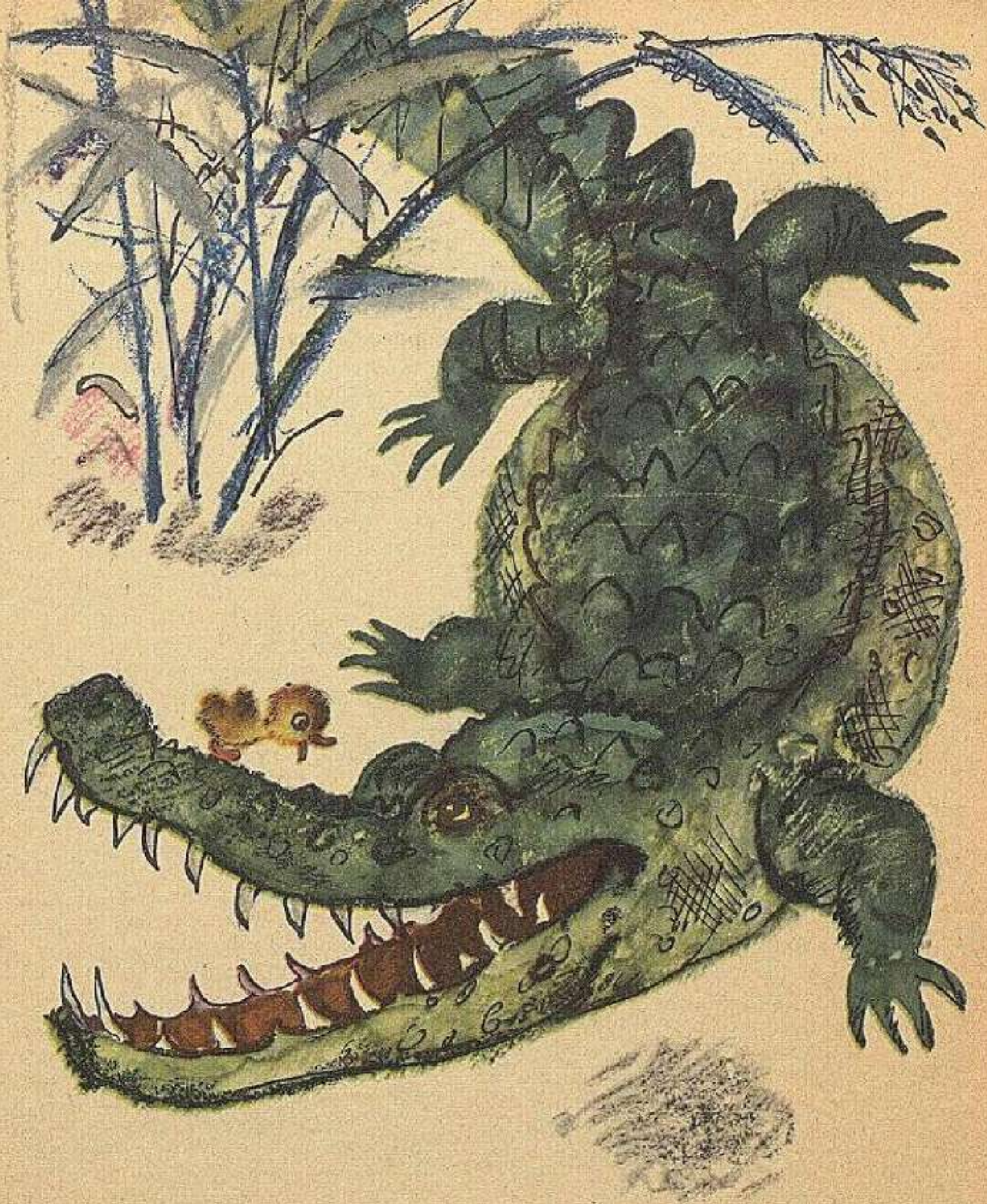
— Объясните, пожалуйста, в чем дело? Почему все взрослые, а мы нет? — обратился Кряк к Лебедю.

— Мой маленький дальний сородич! Не торопи время. Я замечая, что ты спешишь жить и хочешь, не пройдя начального обучения, сразу заняться высшим пилотажем.

— Как это я не прошел начального обучения? Мне Ибис говорил, что я уже родился образованным. Образование мне передано по наследству.

Лебедь покачал головой:

— Неважное у тебя наследство. Будь осторожнее. Твоя мама утка — весьма взбалмошная особа, она произвела тебя на свет вопреки всем установившимся правилам природы, она вообще привыкла делать все наоборот, и поэтому я рекомендую тебе быть особо осмотри-

тельным и осторожным. Многие твои врожденные знания могут тебе не пригодиться.

После разговора с Лебедем Кряк выбрал место, где не так глубоко и стал нырять, чтобы попробовать сочные ростки подводной травы.

— Я тебе посоветую, — ласково сказал Ибис, наблюдая за Кряком, — не перепрыгивать ступеньки знаний. Сперва научись ходить. Ты должен отлично ходить. Вот мой сосед коростель стал чемпионом по ходьбе и бегу. Пойдем вместе!

— А куда мы пойдем?

— Я тебе покажу окрестности. Тут много примечательных мест, я каждый день совершаю экскурсии и уже два раза был на строительстве Асуанской плотины, а теперь могу показать тебе новое египетское море, настолько большое, что оно затопило несколько пирамид.

Ибис обрадовался, увидев, что Кряк вылезает на берег. Теперь ему было не так скучно и можно было поучить этого любопытного, энергичного чирка, который хочет больше того, что ему положено по возрасту.

— Мы пойдем по этой тропинке. Раньше я ходил немного правее, но теперь Нил разлился, прорыли много оросительных каналов, и мы можем пройти вдоль рисовых полей, где у нас всегда на обед будут свежие черви и молодые побеги.

Ибис шел впереди, важно переставляя ноги и вытянув вперед маленькую головку с длинным изогнутым книзу клювом.

Он отлично знал все окрестности и рассказал Кряку много интересного.

— Простите, уважаемый дядюшка Ибис, — поинтересовался Кряк, — а вы давно живете в Египте?

— О, мой милый. Ибисы живут в Египте с незапамятных времен. Мои предки более четырех тысяч лет до нашей эры считались здесь священными птицами. Их почитали за то, что они прилетели перед самым разливом Нила, и люди считали, что ибисы — владыки Нила и по их повелению река-кормилица затопляет рисовые поля, поэтому, увидев

их, успевали подготовиться к встрече большой воды. Слева от нас стоит пирамида. Видишь? Она достает почти до неба, и хотя около нее нет червей, мы все же подойдем поближе.

Кряк с трудом поспевал за Ибисом. Там, где Ибис делал шаг, ему приходилось делать четыре. Его маленький хвостик так и вилял из стороны в сторону; он задыхался, но, когда подошли к пирамиде, даже открыл глаза от удивления.

Перед ним была такая высокая гора, сложенная из каменных блоков, что он не мог увидеть ее вершины. Это была одна из знаменитых египетских пирамид.

— Чтобы увидеть такое сооружение, надо отойти подальше, — объяснил Ибис, но ты смотри не вверх, а сюда, прямо.

— Куда прямо? — переспросил Кряк. — Прямо камни.

— Вот на них и смотри. Видишь мое изображение? Я стою рядом с фараоном, на моей голове нарядный головной убор. Я являюсь главным советником фараона по делам реки Нил.

Домой вернулся Кряк поздно вечером. Над Нилом висела громадная круглая луна.

Кря лежала в камышах около матери и, выглядывая из-под ее серого крыла, прислушивалась к шорохам.

Мама утка в ожидании сына беспокойно оглядывалась:

— Ночью, доченька, у нас особенно много врагов. Пока ты маленькая, тебя все могут съесть.

— А кто меня может съесть? — спросила Кря.

— Бойся сов, ястребов, филинов, гиен, шакалов, лисиц, вообще-то тебе бояться надо довольно много.

— Чего же мне бояться, когда ты рядом?

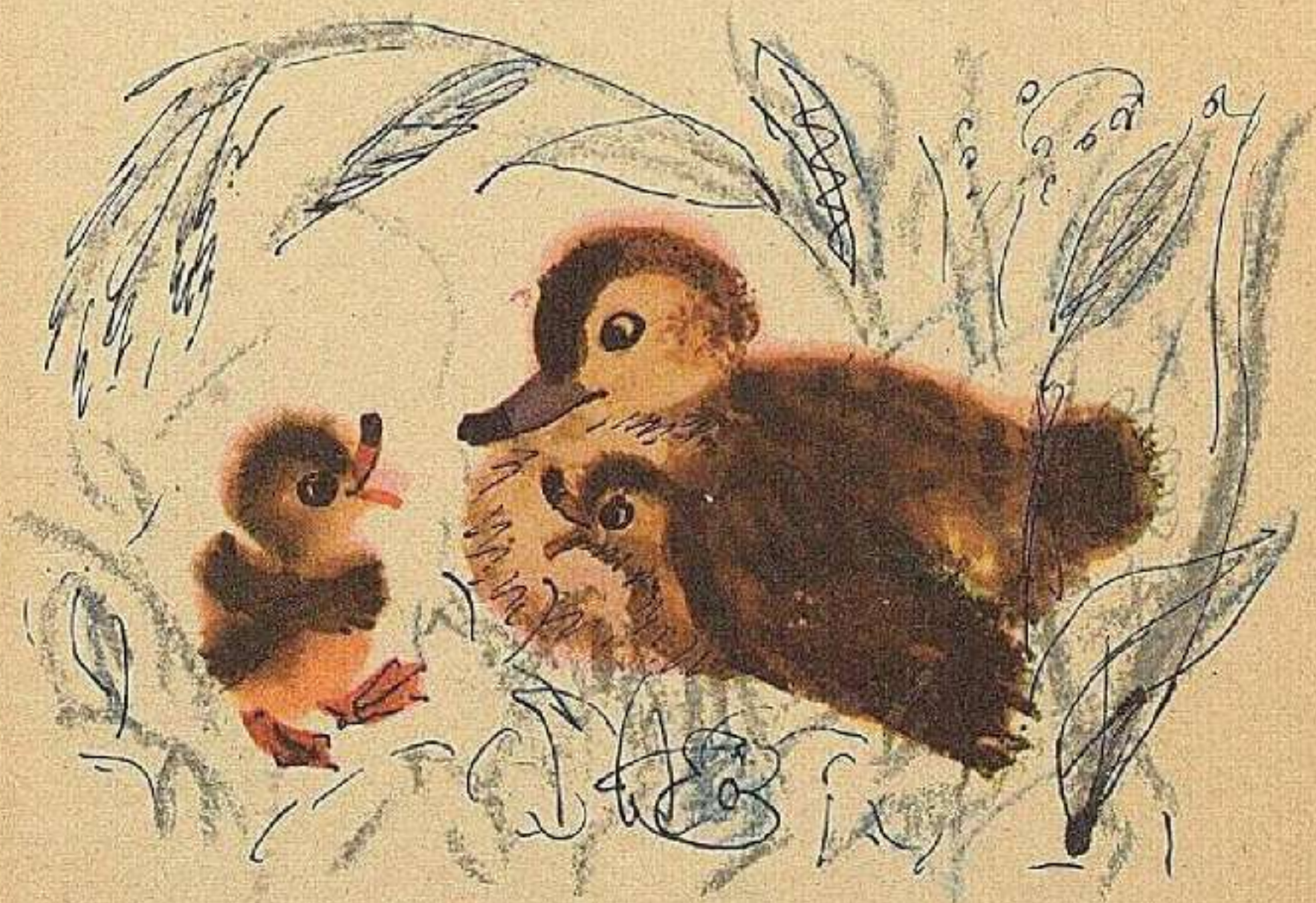
— У меня только одно средство отвести удар от тебя — это принять его на себя. Этим приемом пользуются все матери, часто они гибнут, но не все отцы после этого берутся воспитывать потомство.

Зашуршали камыши и показалась довольная рожица Кряка.

Клюв его был открыт от удовольствия, а новости так и сыпались из него.

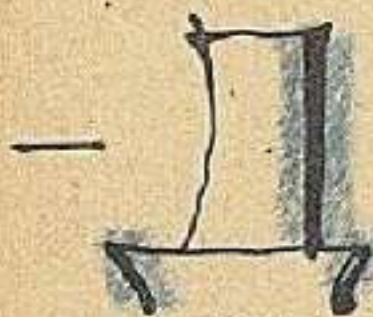
— Мы так заждались, так заждались, — воскликнула сестренка. — Где ты был?

— Мы с Ибисом пирамиды осматривали, — важно ответил Кряк и, усевшись на траву, стал рассказывать сестре и матери интересные истории, которые он слышал от Ибиса.

ПЕРВЫЙ ПОМЕТ

— Оброе утро, почтенный Ибис, — сказал Кряк на другой день, подплывая к берегу.

— Что-то ты, мой милый, долго спишь? А еще вчера расхвастался, что будешь летать выше журавлей.

— Я и сам хотел встать раньше всех, но что-то лапки болят, мозоли натер.

— Мозоли — это не беда. У меня вот какие подушечки на лапках. Посмотри.

Ибис поднял свою тонкую лапку.

— Вот, видишь. Эти подушечки помогают мне ходить по болоту. Как будто на мне обувь на каучуковой подметке.

— Где бы и мне такие достать?

— Ты приучайся ходить в своей обуви. У тебя лапка тоже ничего, наверно тридцать пятый размер. Три пальца и между ними перепонки. Ты можешь этими лапками грести, как веслами.

Кряк нырнул несколько раз, отряхнулся и посмотрел на Ибиса.

Ибис что-то долго выскивал в грязи на берегу, потом опустил клюв и вытащил червя.

— Плыви сюда, Кряк, я угощу тебя вкуснейшим червяком. В этом заливчике их великое множество, и ты отлично позавтракаешь.

— Спасибо. Я сам достану, — поблагодарил Кряк, нырнул, взмутил воду, но червя не достал.

— Тренируйся, тренируйся, мой милый. Вот тебе еще червяк, а теперь ныряй. Раз, два, три. Глубже, глубже. Шарь клювиком по дну. Вот так. Поймал? Теперь тащи его!

Кряк поднялся и веселыми глазами поглядел на Ибиса:

— Вот видите какой, угощайтесь, дядюшка Ибис. Это я для вас поймал.

— А не правда ли, приятно, когда сам добудешь червя?

— Да, очень приятно. Разрешите я еще нырну.

— Пожалуйста!

Кряк нырял и нырял. Он уже наелся и теперь нырял просто для тренировки.

Покушав, Кряк выбрался на берег и прилег, поджав под себя лапки.

По колено в прогретой солнцем воде стояло много фламинго. Их темно-розовые перья на крыльях походили на отблески зари. Широкими загнутыми носами они работали, как землечерпалками, что-то выискивая в иле.

Некоторые дремали, поджав под себя одну ногу.

Иногда низко над головой стремительно проносились с криком стайки куликов.

— Скоро весна, скоро весна, — кричали они, исчезая так же внезапно, как и появились.

— Когда же мы отправимся на родину мамы, почтенный Ибис? — спросил Кряк.

— Уже скоро. Ты чувствуешь, в Африке начинается зима, — значит, на севере — весна. Она еще там только пробивается, как первые росточки.

— Как же мне хочется отправиться в путешествие, — сказал Кряк.

— Ты сперва научись летать как можно лучше, бери каждое дело по своим силам.

— Конечно, конечно, — согласился Кряк.

— Пойдем, я тебе покажу другую пирамиду, еще более старинную, чем вчерашняя.

— Вы знаете, уважаемый Ибис, я чувствую, что ходить хуже, чем плавать и летать, может быть, поплывем?

— Туда нет глубокой дороги. Только канавы оросительной системы, да притом, еще древнейшие.

— Хорошо, я согласен и по канаве.

Кряк вскочил и зашагал за Ибисом. Они дошли до того места, где начинался канал. Кряк поплыл, а Ибис зашагал рядом по берегу. Канал был значительно выше, чем основное русло. В одном месте канал оказался перегороженным, и слепой бык, запряженный в ярмо, с утра до ночи вертел колесо, которое поднимало ковшиками воду и сливало ее в канал по другую сторону перегородки.

— Ох, и тяжело же этому быку! — воскликнул Кряк.

— Стоит ему один день не поработать, и растения погибнут от жажды, — пояснил Ибис. — И отец, и дед, и прадед этого быка только тем и занимались, что крутили это древнее колесо.

Долго продолжался путь Кряка и Ибиса по каналу.

— Вы знаете, почтенный Ибис, — воскликнул Кряк, изо всех сил

работая лапками, — по таким каналам плавать очень неудобно, лапками дна касаешься — никакой скорости.

— Ничего, ничего, всякие дороги бывают. Привыкай.

— А нельзя ли мне попробовать полететь? Может быть, вы разрешите, я за ваш хвост подержусь?

— Давай попробуем, — согласился Ибис. — Я возьму разгон, а ты хватайся за мой хвост клювом. Только держись крепче, а когда я буду садиться, отпускай клюв и планируй, иначе мы оба расшибемся. Ну... три, четыре — полетели!

Ибис разбежался, подпрыгнул и с силой стал ударять о воздух своими острыми крыльями.

Кряк тоже махал изо всех сил своими маленькими крылышками. Как же хорошо было лететь, держась за хвост. Ибис поднимался все выше и выше, и канал внизу скоро стал не шире пера.

— Смотри, под нами пирамида! — воскликнул Ибис. Кряк обомлел от восторга, но ответить ему не мог, боясь выпустить хвост. Под ними была страшная высота.

До чего же красива земля, если летишь над ней.

Ибис тащил Кряка, как самолет тащит планер. Он проделал круг над родными местами. Вдали Кряк увидел берег моря. Оно было такое

же большое, как небо, а берег его выделяется белой пенистой полоской.

Громадный город стоял на берегу. Белоснежные пароходы, стальные краны. Но с высоты все это казалось игрушечным.

— На сегодня хватит, — сказал Ибис, повернул обратно и вдруг крикнул: — Отпускай мой хвост! Идем на снижение.

Кряк разжал клювик. Никто не поддерживал его. Он вытянул шею, спружинился и откинул крылья в стороны, как можно дальше. Теперь он, как маленький самолетик, шел на посадку.

Сверкающая вода лежала под ним.

Он боялся шлепнуться и постарался сесть на небольшой коричневый островок. Островок был довольно ровный, только несколько складок пересекало его.

Ибис уже стоял на берегу и наблюдал за посадкой Кряка.

— Молодец, молодец! — кричал он. — Главное, когда приземляешься, затормаживай осторожнее, чтобы не перевернуться.

Кряк кувырком несколько раз перевернулся через голову, раскинул крылья в стороны и кое-как остановился с открытым клювом. Но сейчас же победоносно осмотрелся.

— Ну как, уважаемый Ибис!

— Для первого раза не плохо. Но хочу тебе сказать, что ты не обязательно должен садиться на землю, ученикам полагается — на воду.

— Я же все старался делать, как вы, уважаемый Ибис.

— У меня лапки другой конструкции. Я не могу садиться на воду и обязательно должен разбежаться и подпрыгнуть, а ты можешь даже с воды взлететь. Это очень удобно.

Внезапно остров, на который сел Кряк, поплыл.

— Ой, ой, что же мне делать, — закричал Кряк. — Я не могу сам взлететь.

— Не волнуйся, — предупредил Ибис. — Самое главное — хладнокровие.

— Остров тонет — беда!

— Это не остров, а бегемот. Другой раз смотри, на что садишься, а сейчас прыгай и плыви ко мне.

Как хорошо было освежиться после такого полета. Кряк доплыл до берега, вышел, стряхнул и уселся около Ибиса.

— Ох, а я-то испугался! Что такое, думаю? Уж не землетрясение ли? Все подо мной шатается.

— В Африке не бывает землетрясений, — объяснил Ибис. — Ты делаешь некоторые успехи, но еще раз предупреждаю тебя, не зазнавайся.

...Вскоре Кряк удивил всех.

— Я хочу на Балхаш, — заявил он. — Здесь надоело, тесно и скучно. Как вы думаете, дядя Фламинго?

— Придется потерпеть недельку-другую, — ответил Фламинго. — На севере весна запаздывает.

— Я бы хоть сейчас полетел, — воскликнул Кряк, обращаясь к сестре. — Зачем нам стариков ждать?!

— Ты, Кряк, всегда так. Тебе бы только поскорей в любом деле, а что будет в дороге, если лететь одному, а не вместе со всеми? — сказала Кря. — Ведь мы совсем недавно научились летать?

— Если мы будем рассуждать да спорить, так тут наступит зима, и мы даже и не узнаем, что делается на родине наших предков.

— Все же лучше у кого-нибудь спросим. Мама мне сколько раз говорила — не знаешь дороги, спроси!

— А меня Ибис учил другому: «Ты, — говорит, — будь разведчиком. Взлети, посмотри, а потом другим расскажи, какова дорога, где можно обойти препятствия».

— Чирки никогда вперед разведчиков не посылают. Они всегда летят стаями и все решают вместе.

— Так когда-то было, а мы сделаем иначе. Ты, сестренка, не подражай бабушкам. Надо думать по-новому, самостоятельно.

Кря посмотрела на братца удивленными глазами, но в знак согласия кивнула головкой.

— Ну что ж, я согласна!

— Вот и хорошо! Давай сейчас же летим!

— Нет, лучше ночью, — возразила осторожно Кря.

— Почему?

— Днем нас легко заметить. Вон на пальме сидит сокол. Мы взлетим, а он нас поймает и съест, — сказала Кря.

— Я не хочу быть съеденным, — признался Кряк, замахал хвостиком, схватился лапкой за камышинку и стал наблюдать за соколом, высунув из воды кончик носа и глаз.

В это время несколько буйволов с размашистыми рогами вошли по брюхо в воду. Вслед за ними появились скворцы. Они расхаживали по спинам буйволов и ловко хватали мух, спасая животных от укусов кровососущих насекомых.

— Вы скоро собираетесь на родину? — спросил у скворца Кряк.

Скворец сел на буйволиный рог, как на ветку, и, задрав голову кверху, спел свою любимую песню, которую он всегда пел на русской березе, потом взглянул на маленьких чирков:

— Скоро, ребятки, скоро!

Вдруг сокол метнулся к утятам. Они едва успели нырнуть, услышав над собой угрожающий свист крыльев.

Так ни с чем и улетел крылатый разбойник.

— Вот видишь, — сказала, выглядывая из воды Кря, — хорошо, что мы могли спастись под водой, в воздухе бы он нагнал нас обязательно.

Еле дождались чирки вечера, а когда солнце опустилось за египетские пирамиды и вода стала казаться красной, они взлетели и понеслись над Нилом, часто взмахивая крылышками и вытянув тонкие шеи.

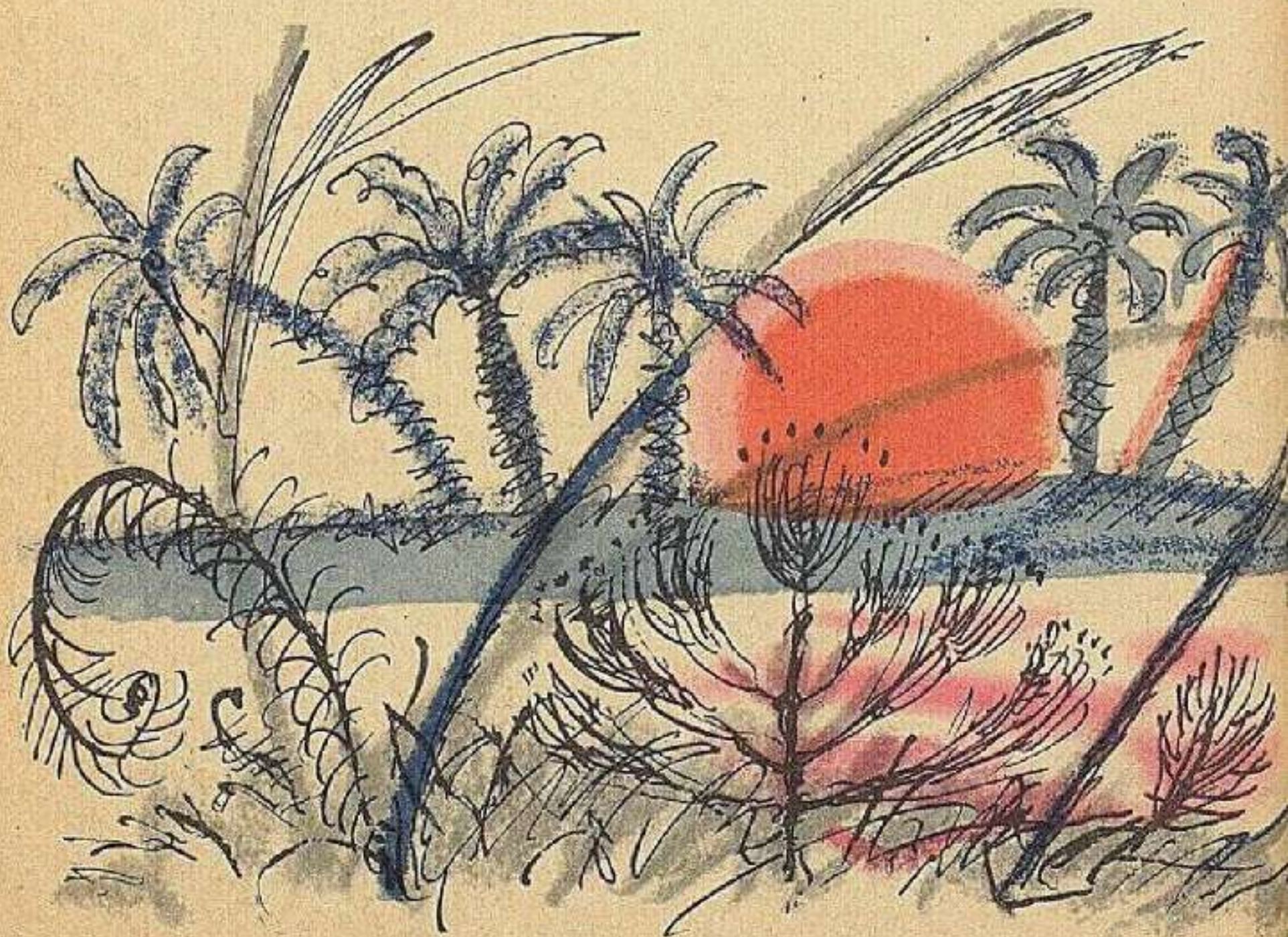
— Смотри, вон огни Асуанской плотины, ты видишь, — кричал Кряк, смело махая окрепшими крылышками.

Полная луна освещала все внизу голубоватым трепетным светом.

— А почему она такая высокая? — удивилась Кря.

— Для того чтобы воды собрать как можно больше. Ибис рассказывал мне, что когда начнется весна, будут таять ледники, в верховьях Нила прольются дожди и множество воды прибудет в эту могучую реку. Когда не было плотины, вся эта вода уходила в море, пропадала напрасно, а сейчас...

— Я вижу, — удивилась сестренка. — В пустыне и такое огромное море, что его и крокодил не скоро переплывет.

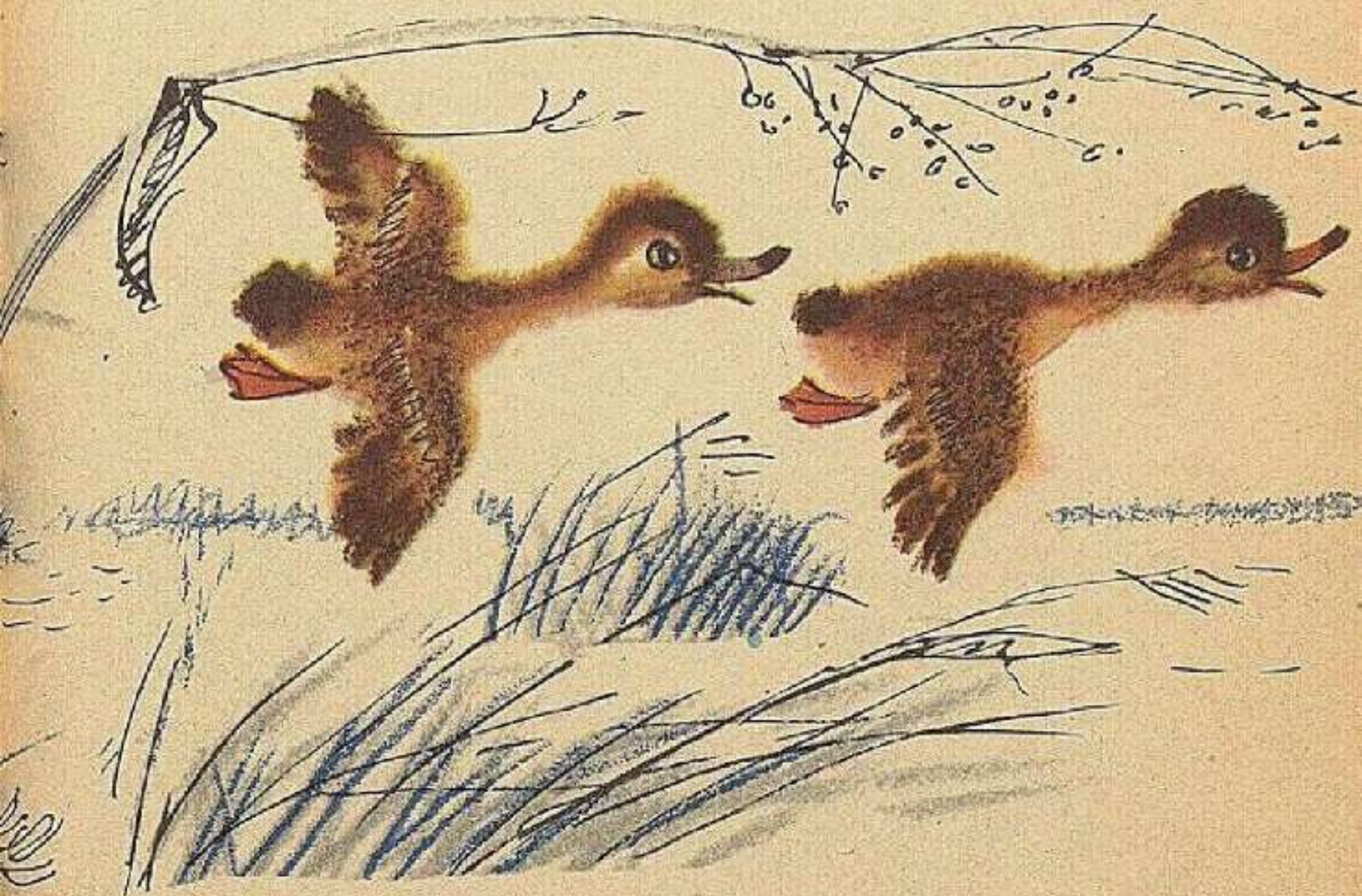

— Отсюда, — продолжал рассказывать Кряк, — в пустыню пошли каналы. Ты видишь, они словно сетью покрыли желтую землю, напоили ее, а по берегам каналов уже встали пальмы и растет пшеница. Здорово, правда! Ибис живет здесь тысячи лет и знает еще много интересного.

— А может быть, нам и остаться на берегу этого моря? — спросила Кря, подлетая к брату.

— Ну-ну, еще что?! Ты, я вижу, большая трусиха. Летим дальше, без всяких разговоров!

На берег Средиземного моря чирята прилетели на рассвете. Вокруг не было ни одной утиной стаи. Только серый журавль стоял на кочке,

спрятав голову и поджав под себя одну ногу. Множество других журавлей дремали кругом.

— Вот журавли, давай спросим у них про дорогу, мама говорила, что журавли наши земляки — они родились на берегах Балхаша, где и наша мама, — предложила Кря.

Энергичный Кряк подошел к Журавлю и вежливо наклонился:

— Дядя Журавль!

Журавль с недовольным видом вытащил голову из-под крыла.

— Вы извините, что мы вас разбудили, — чирята оба вежливо еще раз поклонились. — Но мы хотели бы узнать, куда нам лететь на Балхаш?

— Советую вам подождать, когда полетят все! Мы летим одни из первых, а утки еще не начали перелет.

— Какие взрослые все осторожные, — засмеялся Кряк. — Все погоди, да погоди. И дядя Фламинго и Ибис — все только и советуют ждать и ждать.

— Я просто знаю, маленький несмышлениш, кто сильнее меня, и не лезу в бесполезную драку, — ответил, ничуть не обиженный, Журавль. — Видишь, мы все ждем и не торопимся лететь.

— Ну, а кто сильнее вас?

— Штормовой северный ветер. Если он будет дуть навстречу моему полету, то, конечно, я не справлюсь с ним. Он собьет меня в море, сломает мне крылья, и меня проглотят акулы. Потому что он могучий ветер, а я всего лишь журавль и воспитан так, чтобы не ввязываться в драку с ветром.

— А откуда вы знаете, что над морем забушует северный ветер? Я вижу только ясное небо и спокойную воду.

— Это потому, что ты еще не научился видеть, — грустно ответил Журавль. — Видеть надо не только то, что перед носом, но и то, что может произойти через час, завтра и через много-много дней.

— Зачем вы выражаетесь так непонятно, — сказала Кря, — объясните, пожалуйста, попроще. Я ничего не понимаю, когда говорят так много непонятных слов.

— Короче говоря, — Журавль вдруг вытянулся и повернул голову в сторону берега, — я слежу за морскими блохами и медузами. По ним я узнаю погоду.

— По блохам и медузам. Я лопну со смеха, — улыбнулся Кряк. — Зачем вы над нами шутите?

— Я не умею ни смеяться, ни шутить. И все делаю только очень серьезно.

ГОС. БИБ. И ЧТЕН. ЗАЛ
КазСР. Б. М.
Инв. № 414979

— Но при чем тут блохи и медузы?

— Если медузы от берега ушли в глубину моря и блохи морские уползли подальше от воды — значит, скоро будет шторм. Надо понимать, что вокруг делается.

— Мне нет дела до блох и медуз. Я — чирок, и сейчас мы полетим!

— Иногда и блохи и медузы могут быть полезны даже таким молодым, как вы. Я и мои товарищи тоже очень хотим домой. А вот стоим и ждем, когда блохи поползут обратно, а медузы приблизятся к берегу.

— Чудной какой-то Журавль, все загадками говорит, — сказал Кряк.

— Придется подождать. Мне кажется, что Фламинго и Журавль неправильно говорить не станут, — прошептала Кря на ухо Кряку.

— Пройдемся по бережку, быть может, тут водоросли вкуснее наших.

На песке, нахохлившись, сидели чайки. Они тоже не полетели через море, а сидели и ждали.

Небо между тем потемнело. На волнах задыбились барашки. Но стая скворцов со щебетом пролетела над берегом и понеслась над морем к северу.

— Дядя Журавль! — воскликнул Кряк. — Смотрите, скворцы полетели через море.

— Мало ли дураков, — буркнул Журавль, не вынимая головы из-под крыла. — Вы за морскими блохами и медузами следите.

— Журавль нас не обманет. Давай послушаемся его и спрячемся, — сказала Кря.

— Ты прячься, сестренка, а я полечу, проверю. Я хочу быть разведчиком. — Кряк ринулся вперед за скворцами. Скворцы летели огромным клубком, уже далеко впереди. Кряк никак не мог их догнать.

Он посмотрел вниз. Море хмурилось, по небу бежали пенные волны. Море грозно гудело. Так летел он больше часа. Впереди двигался длинный трехмачтовый корабль. Стая скворцов спустилась на этот корабль, облепив его мачты, палубы, шлюпки.

«Может быть, и мне опуститься? — подумал Кряк, и тут же оборвал себя: — Что же я за чирок, если буду подражать каким-то скворцам».

Он нарочно снизил высоту и гордо, как реактивный истребитель, промчался над кораблем, показывая ошеломленным скворцам, что есть еще храбрецы на свете!

— Садись к нам, отдохни, мы потеснимся! — кричали скворцы. — Садись скорей! — Кряк не пожелал их слушать.

Небо затянули тучи. Кряк врезался в них и заблудился. Все вокруг кипело. Он не знал, куда лететь, что делать.

Отчаянно махая крылышками, он пытался вырваться из этой непроглядной тьмы. Вдруг рядом мелькнула молния. Она была такой грозной, такой яркой, что Кряк на некоторое время ослеп. Ветер подхватил его и швырял, как мячик, то вверх, то вниз. Где он, что с ним, он уже не мог знать. По инерции, махая крыльями, он старался держаться на воздухе, не упасть в кипящие волны. Ему показалось, что из воды высунулись акулы, разинув пасти, чтобы сожрать его.

Так летел он и час, и два, а что с ним произошло потом, он не мог вспомнить.

Это была грандиозная борьба северного ветра с южным. Сперва верх взял северный ветер. Он нагнал тучи. Тучи столкнулись и, словно два кремня, ударились одна о другую и высекли искру.

Только эта искра была ужасной, она могла расколоть любое дерево, она перечеркивала все небо и врезалась в воду.

Но южный ветер не сдавался, он был упорен и постепенно северный ветер стал ослабевать, тучи пролились ливнем, над морем встала радуга. Кряк увидел берег. Из последних сил он добрался до этого берега, упал на песок и распластал потрепанные крылья.

Кряк пришел в себя только на другой день. Когда он открыл глаза, в небе было шумно и хлопотно. Казалось, что весь пернатый мир тронулся в путь и все небо хлопало крыльями.

Лебеди летели выше всех. Чуть ниже — журавли, еще пониже — гуси, а ниже гусей — утки. Каждый летел своим эшелоном и по своему маршруту, в несколько «этажей».

На берегу после перелета через моря приводили себя в порядок кряковые утки, связи и чирки.

На Кряка никто не обращал внимания. Он пытался подняться и не мог, болела спина, правое крыло, а когда он обернулся, то с ужасом заметил, что в хвосте у него не хватает половины перьев, самых главных, которыми он дает направление при полете.

— Как же я теперь буду направлять свой полет, — с грустью прошептал он.

Стаи летели и летели. Дни и ночи длился перелет.

Как завидовал Кряк тем здоровым сильным чиркам, которые высоко-высоко проносились над его головой. Наверно, среди них были его сестра и мать и многие его приятели. Почему он не послушался Фламинго? Ему не понравился кривой нос Фламинго, и он поэтому не стал слушать его умные речи... А Журавль — ведь он предупреждал Кряка уже на берегу моря.

Словно угадав мысли Кряка, на берег опустилась большая стая фламинго. Они сели передохнуть после перелета над морем. Среди них был и знакомый Кряка — старый Фламинго. Он подошел к Кряку, покачал укоризненно головой и сказал.

— Ну вот видишь, до чего ты себя довел? Разве можно жить одно-

му, без других? Теперь я не советую тебе, малыш, торопиться. Лети только при попутном ветре, не превышай положенной скорости и больше ешь питательных трав, чтобы перья у тебя лучше росли.

— Что мне делать, добрый дядюшка Фламинго, — пожаловался Кряк. — Я не могу летать. Что-то неладное с крылом.

— Ну и не летай! Потерпи. Занимайся не спортивной, а лечебной гимнастикой. Если ты через недельку-другую окрепнешь, то еще успеешь обзавестись семьей и свить гнездо.

— Мне очень хочется, почтенный Фламинго, обзавестись семьей. Теперь я знаю, что сумею воспитать своих утят.

— Ты опять торопишься. Перелетел через море и уже расхвастался. Ты вот попробуй пустыню пересеки.

— Я жил в Египте и в пустыне не заблужусь.

— Ты еще пустыни настоящей не видел. Ты жил на берегу прекраснейшей реки, где воды сколько хочешь, и удалялся от реки не более как на один перелет.

— Да, да, — признался Кряк, — теперь я всегда буду слушаться, почтенный аксакал.

— А теперь прощай, я совсем заболтался с тобой, а нас на озере Тенгиз ждут. Мы должны всех там предупредить о том, какое будет лето — засушливое или дождливое.

Стая огромных носатых птиц разбежалась и взлетела, вытянув ноги. Это очень напоминало взлет самолета с убирающимся шасси. Казалось, над берегом вспыхнуло пламя — это обнажились ярко-красные перья на крыльях, которые не было видно.

Кряк остался один. Теперь он не торопился лететь. Он расхаживал по берегу, заплывал в небольшие заливчики, заросшие камышом. Разговаривал со многими перелетными утками.

— Полетим к нам, — предложила ему очень симпатичная утка, такого роста, как и он сам. Она вылезла на берег и долго прихорашивалась, укладывая перышко к перышку.

— А где ты живешь?

— Совсем недалеко, в устье Днепра. Я вижу, у тебя болит крылышко, а тут недалеко. У меня там много родичей, есть своя удобная дачка, и ты не будешь ни в чем нуждаться.

— Зачем я тебе нужен? У меня же крыло повреждено.

— Я уже второй год одинока, — призналась утка. — У меня был очень красивый селезень, но, представь себе, во время нашего свадебного полета его убили охотники, и я осталась одна.

— Ну а потом?

— Целый год я провела в трауре, завидуя своим товарищам, которые сели высиживать новое потомство.

— Сейчас весна, и ты можешь встретить нового селезня, который прекрасно летает.

— Мне кажется, что с тобой мне будет хорошо. Я стану о тебе заботиться, а ты будешь воспитывать наших малышей. Не правда ли?

Утка нежно посмотрела на Кряка. Он смутился и опустил клюв.

— Ну, как? — спросила еще раз утка. — Ведь весной дорог каждый час. Там разберут лучшие участки для гнезд.

— Оставь меня здесь. Я очень благодарен за внимание, — ответил Кряк. — Но не могу так быстро менять направление. Летел на Балхаш и вдруг окажусь на Днепре!

— Адрес простой, запомни: устье Днепра, плавни, я буду ждать!

Утка помахала хвостиком, пристроилась к своей стае и полетела к днепровским плавням.

Целый день Кряк плавал в камышах и раздумывал, какое выбрать направление. Днепр рядом, Балхаш далеко, и все же он выбрал Балхаш, голос предков оказался сильнее всего. Но больное крыло удерживало его на месте.

Опять пошли дни за днями. Он видел, как по морю то в одну, то в другую сторону плывут белоснежные теплоходы, как сменяются закаты и восходы. Он смутно чувствовал, что лучше родины его предков нет на земле места. Хотя Кряк и родился в Египте, но миллионам его предков родиной был Балхаш. Дорогу оттуда в Египет на зимовку и обратно бесчисленные поколения чирков проделывали множество раз, и она обратилась в наследственную привычку. Так вот почему Кряка неудержимо влекло только к северу, туда, где был Балхаш, а не в какую-нибудь другую сторону. Но он летел один, из-за своей ненужной торопливости и очень боялся заблудиться.

Все стаи давно пролетели. Не к кому ему было пристроиться и сказать, как он тоскует о земле, которую никогда не видел.

О, старый горбоносый Фламинго и мудрый Журавль. Если бы он их послушался! Каждое утро Кряк разминал крылышки: раз, два, три — считал он, расправляя их и взмахивая:

— Раз, два, три!

От скуки он стал вспоминать песенки, которые слышал: тоненький свист египетского ибиса, с ним он испытал восторг первого полета, хриплый бас пеликана и пересвист скворцов, которые пели на все лады самые популярные в Европе песни.

Но как ни пел эти песни Кряк, у него получалось все по-своему: все песни он переделывал на свой лад и невольно заканчивал одним и тем же.

Один летел я за моря
Зря, зря, зря.
Меня хлестал и дождь и мрак.
Кря, кря, кря.

Так он пел от жалости к самому себе и плакал.

Однажды утром по привычке Кряк делал зарядку. Он нырял, делал глубокий вдох и выдох, расправлял крылья и почувствовал, что диета, режим принесли ему пользу.

Он попробовал взлететь, и это ему удалось. Грузно он сел на воду. Радости его не было предела!

На волнах покачивались чайки.

— Скажите, любезные, нет ли неправильностей в моем полете?

— А ну-ка, еще разок сделай круг, — предложила старая чайка. Еще разик. Не плохо. Только чувствуется снос на правое крыло.

— Это потому, что оно побаливает и не все хвостовые перья отросли, — признался Кряк.

— Ты делай учет на снос ветра. Если ветер попутно боковой, тоже учитывай. Иначе получится так: летел в одно место, прилетишь в другое.

— Хорошо. Намотаю себе на клюв, — поблагодарил Кряк и стал снова и снова упражняться в полетах.

Прошло еще несколько дней. Каждое утро он просил чайк наблюдать за его полетом по прямой и по кругу, и наконец все чайки хором сказали: «Молодец, Кряк, можешь отправляться к Балхашу».

Кряк поблагодарил чайк и тут же лег курсом на Балхаш.

Он старался лететь ночью, чтобы его не мог схватить ястреб или сокол, а днем выбирал место поудобнее для отдыха и усиленного питания.

Все птицы, с которыми он встречался, с удивлением смотрели на отставшего от стаи чирка.

На огромном степном озере он встретил старого Пеликана. Пеликаны вместе с другими с шумом гнали рыбу на мелкое место, к берегу, и там хватали ее. Под ними ныряли и тоже пугали рыбу черные бакла-

ны, и если им попадалась крупная рыба, которую они не могли проглотить, то они ее отдавали пеликанам. Но когда бакланам попадались маленькие рыбки, то они ели их сами, а пеликаны не возражали против такого совместного лова.

Увидев Кряка, Пеликан сердито скосил на него правый глаз:

— Не мешай, чирок, нашей рыбалке.

— Да разве я мешаю? Я просто хочу спросить у почтеннейшего мистера пеликана.

— Какой я тебе мистер! — рявкнул Пеликан. — На зимовке в Африке я был мистером, а теперь дома опять Пеликан Пеликанович Пеликанов.

— Простите, Пеликан Пеликанович. Я только хочу спросить у вас, как мне быстрее попасть на Балхаш.

— Если напрямую, то вот так. Бери угол сорок пять градусов по отношению к этой скале и лети. В шесть перелетов ты достигнешь желаемого.

— Скажите, пожалуйста, — не унимался Кряк, — как же это вы столько рыбы едите с утра до ночи?

— Смотреть надо! — рявкнул Пеликан. — Я никогда не объедаюсь, как некоторые, а запасы складываю вот сюда. — И он указал на большой мешок под нижней половиной клюва.

— Это очень любопытно! — воскликнул Кряк. — Мне рассказывал о вас почтенный Ибис, вы, наверно, знакомы с ним?

— Я не люблю случайных знакомств, — хмуро ответил Пеликан. — Мне вполне достаточно баклана, с которым мы рыбачим вместе.

— Так, так... — пытался высказаться Кряк, — а я думал дружить с вами на других началах.

— Что? — рассердился Пеликан и вдруг быстрым движением открыл свой громадный клюв и сунул Кряка в свой мешок.

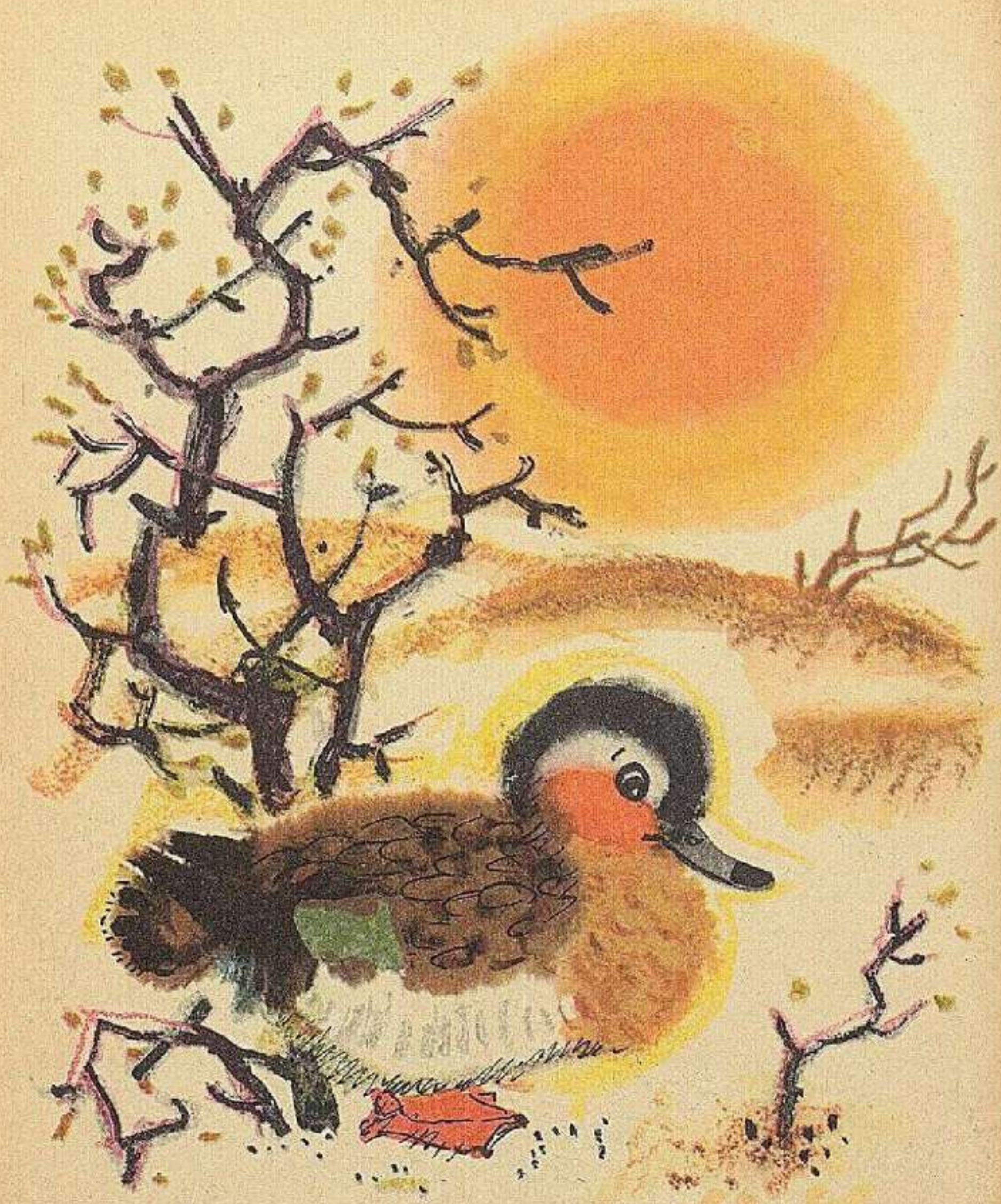

Кряк очутился в полнейшей темноте и начал отчаянно биться, умоляя, чтобы его выпустили. Такое томительное заключение продолжалось не очень долго, но показалось ему вечностью.

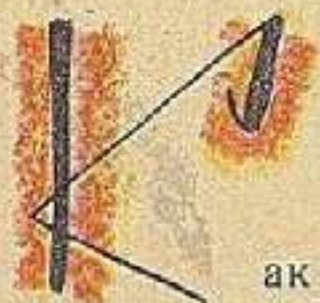
Кряк в ужасе не знал, что предпринять, но, видно, и Пеликан почувствовал некоторое неудобство от беспокойного чирка.

Внезапно он выбросил его обратно и с презрением посмотрел, как испуганно замахал Кряк крыльями, стараясь убраться подальше от спесивого Пеликана.

КРЯК ПЫТАЕТ В ПУСТЫНЕ

Как тяжело лететь одному, отстав от стаи, от своих сородичей, когда не с кем обменяться впечатлениями, спросить совет, вместе кормиться на коротком отдыхе.

Все уже давно свили гнезда и, наверно, вывели малышей, а у него ни гнезда, ни семьи, и он еще далеко от своей родины. Он сам причинил себе столько бед.

Как только стемнело, Кряк взлетел. Вокруг была пустыня. Ночью она казалась морем, тихо, как волны, шуршали пески от ветра. Но Кряк забирался повыше, там лететь было легче. *

Горячий воздух отрывался от земли и висел раскаленной подушкой над барханами, над саксаульником, над необозримым пространством Кызылкумов и Каракумов.

Утром Кряк, утомленный перелетом, сел. Он видел, как из-за желтых барханов выкатывается солнце.

Было безветренно. Хотелось пить.

Кряк прошелся по гребню бархана, огляделся. Ни одной птицы вокруг, ни одной лужицы воды.

Мимо него, переваливаясь с боку на бок, проползла Черепаха. Она безразличными, немигающими глазами посмотрела на Кряка, повернув к нему птичью головку.

— Уважаемая, не скажите ли, где тут можно напиться? — спросил Кряк.

— Напиться? Ты что шутишь? Последний раз я пила семьдесят лет тому назад и то случайно. Я вообще не пью, а питаюсь свежей растительностью и не нуждаюсь в воде.

— А вот жаворонок запел в небе, где он пьет?

— Он тоже не пьет.

— А как же он живет без воды? Меня лично страшно мучит жажда. Я бы сейчас все озеро Балхаш выпил!

— У нас так все обитатели пустыни привыкли не пить: зайцы песчаные, суслики, дрофы. Вот бульдуруки пьют. Они даже по полстакана в зобу могут нести своим малышам.

— Милая бабушка Черепаха. Скажите мне, как найти этих самых бульдуруков.

— Я, правда, не могу тебе сказать, где они сейчас летают. Я никогда не гляжу на небо. Просто оно меня не интересует.

— Это потому, бабушка Черепаха, что ты никогда не летала.

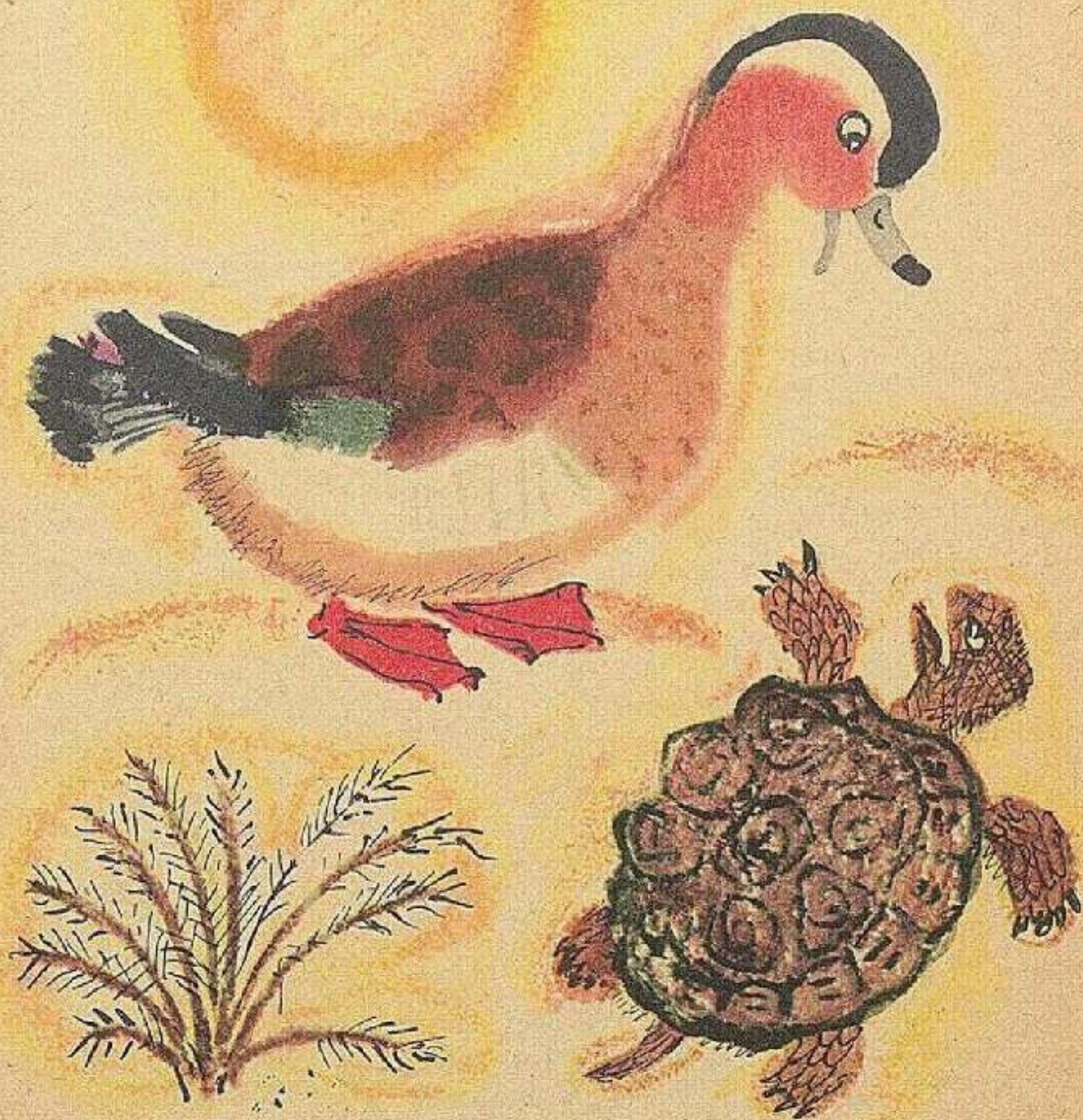
— А зачем летать? Сколько ты не летай — все равно где-нибудь сядешь: ведь наша жизнь протекает на земле. Если будешь внимательным, то вокруг себя увидишь премного интересного, а если то и дело перелетать с места на место, то станешь просто верхоглядом.

— Да, но я не могу не летать. Я просто так создан. Стоит мне взмахнуть крыльями, как я легко отрываюсь от земли.

— Живи, как знаешь, — пробурчала Черепаха и поползла дальше, оставляя своими лапками на песке узкие бороздки, словно от гусениц крошечного игрушечного трактора.

С трудом дождался Кряк вечера. Он прижался к стволу саксаула, где была капелька тени, и хотел было спрятать голову под крыло, но тут заметил пустынного песчаного зайца. Никто, кроме черепахи, не говорил Кряку о зайцах. Он поглядел и подумал:

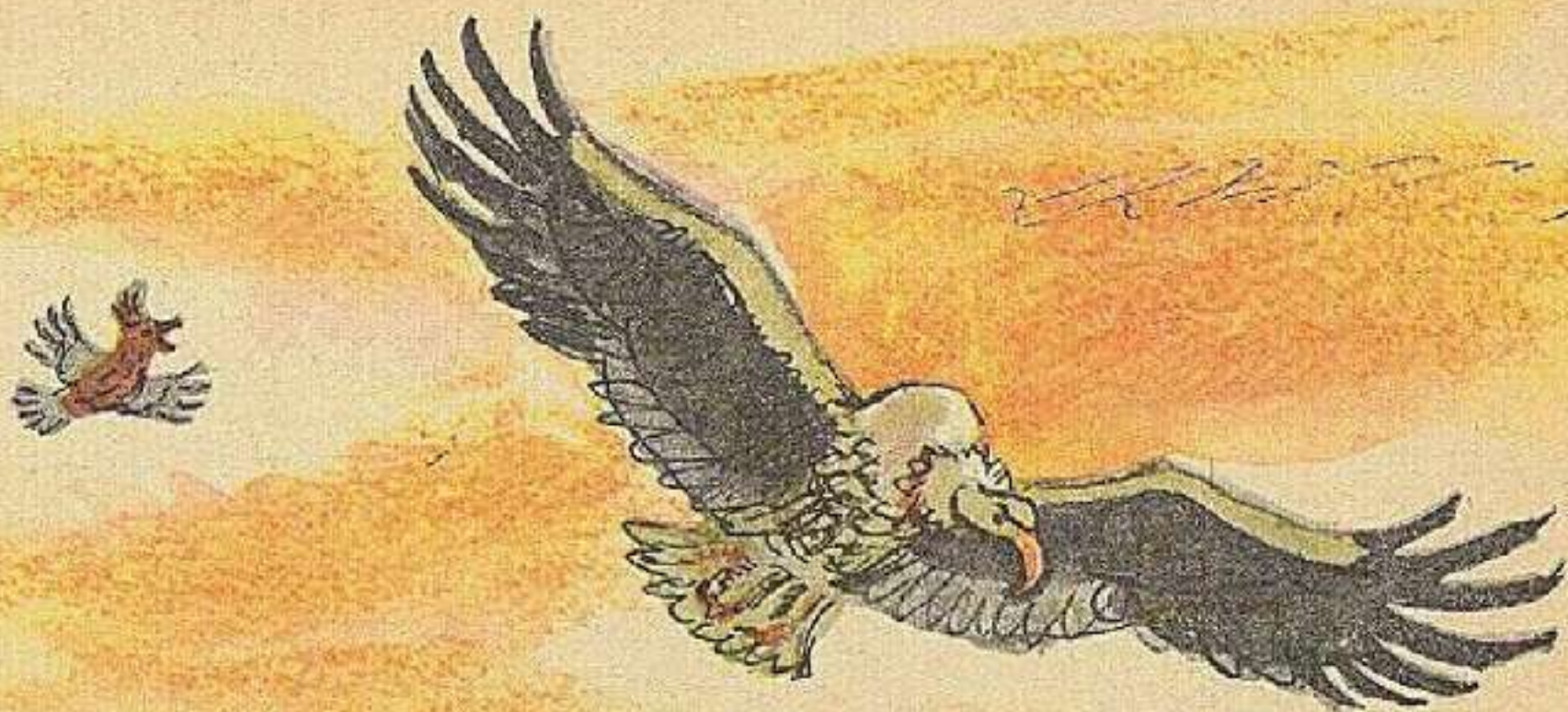
«А может быть, заяц страшный зверь? На всякий случай надо следить за ним позорче и чуть что — полететь!»

Заяц прыгал вокруг и обкусывал кончики веточек саксаула. Кряку казалось, что он петляет в разные стороны, чтобы потом броситься на него, и поворачивал голову то вправо, то влево, следя за незнакомым зверьком.

В небе появился сип белоголовый. Широко распластав черно-белые крылья, он парил в вышине, высматривая добычу.

Заяц тоже заметил стервятника, но не обращал на него внимания. Он даже крикнул ему задорно:

— Эй ты, бомбардировщик. У тебя когти как у курицы, и тебе меня, пустынного зайца, никогда не поймать! Не боюсь я вашего брата! «Какой безрассудный. Чего он хвастается?» — подумал Кряк.

Между тем заяц продолжал пастись, прыгая от дерева к дереву и сгрызая кончики веток.

Вдруг в небе появилась другая птица. Она была чуть поменьше сипа белоголового, но когти у нее были загнуты полукругом и от природы остро заточены.

— Спасайся, заяц, — закричал жаворонок. — Это беркут, не путай его с сипом белоголовым!

Беркут заметил добычу и стал пикировать. Заяц понял, что тут хвастовство ему не поможет, и помчался наутек. Беркут — за ним. Уже из-за бархана раздался жалобный крик зайца, и все смолкло.

«Милый, ушастый чудак, — сказал про себя Кряк. — Как он глупо погиб из-за своей неосторожности и хвастовства!»

Кряк продолжал наблюдать за пустыней. Его глаза замечали все

оттенки, все краски, и вдруг он увидел впереди голубое озеро с прохладной водой.

Кряк встрепнулся и полетел, но озеро исчезло, едва он поднялся над пустыней. Он опять сел на горячий песок, и озеро снова возникло.

Так продолжалось несколько раз. Наконец, совсем обессиленный, Кряк сел, широко раскрыв клювик.

Вдруг Кряк заметил несколько птиц, очень похожих на голубей, с которыми он встречался в Египте. Это были черно-брюхие рябки, или бульдуруки. Они были так похожи на песок, что, когда сели, вдруг исчезли, словно покрылись сказочной шапкой-невидимкой.

С трудом Кряк обнаружил их снова, подлетел к ним и крякнул:

— Умираю от жажды, спасите!

Рябки переглянулись.

— Поможем? — спросил один у другого.

— Поможем. Я немного ему дам воды и ты тоже.

Один из желтых рябков, мелко семеня короткими ножками, подошел к Кряку, всунув в его широко раскрытый клюв свой клювик и отрыгнул из своего зобика немножко воды. Тоже сделал другой рябок.

Кряк ожил:

— Как зовут вас, мои дорогие спасители? — тихо спросил он.

— Бульдурки! — ответили пустынные рябки. — Мы знаем, что такое жажда и поэтому не могли не помочь тебе, незнакомец!

— Спасибо. Я никогда не забуду вашей доброты. Но кому вы несете эту воду?

— Нашим малышам. Они еще летать не умеют, и мы по утрам с 9 до 11 часов носим им эту воду. В зобик наш входит по полстакана и всем малышам хватает, они растут на этой норме.

— А почему только с 9 до 11 часов утра?

— Если раньше улететь за водой — птенцам будет холодно, а позже — они перегреются, только с 9 до 11 утра температура малышей и воздуха пустыни одинаковы.

— Еще раз спасибо!

— А куда ты летишь в то время, когда перелет уже давно закончен?

— На родину, к озеру Балхаш.

— Где же твоя стая? Чирки пролетели две недели назад. Почему ты опоздал?

— Я захотел быть первым, но не послушался умного совета дядюшки Фламинго и мудрого Журавля и вот очутился один. Видите, мой хвост еще не вполне отрос. Так его потрепала буря.

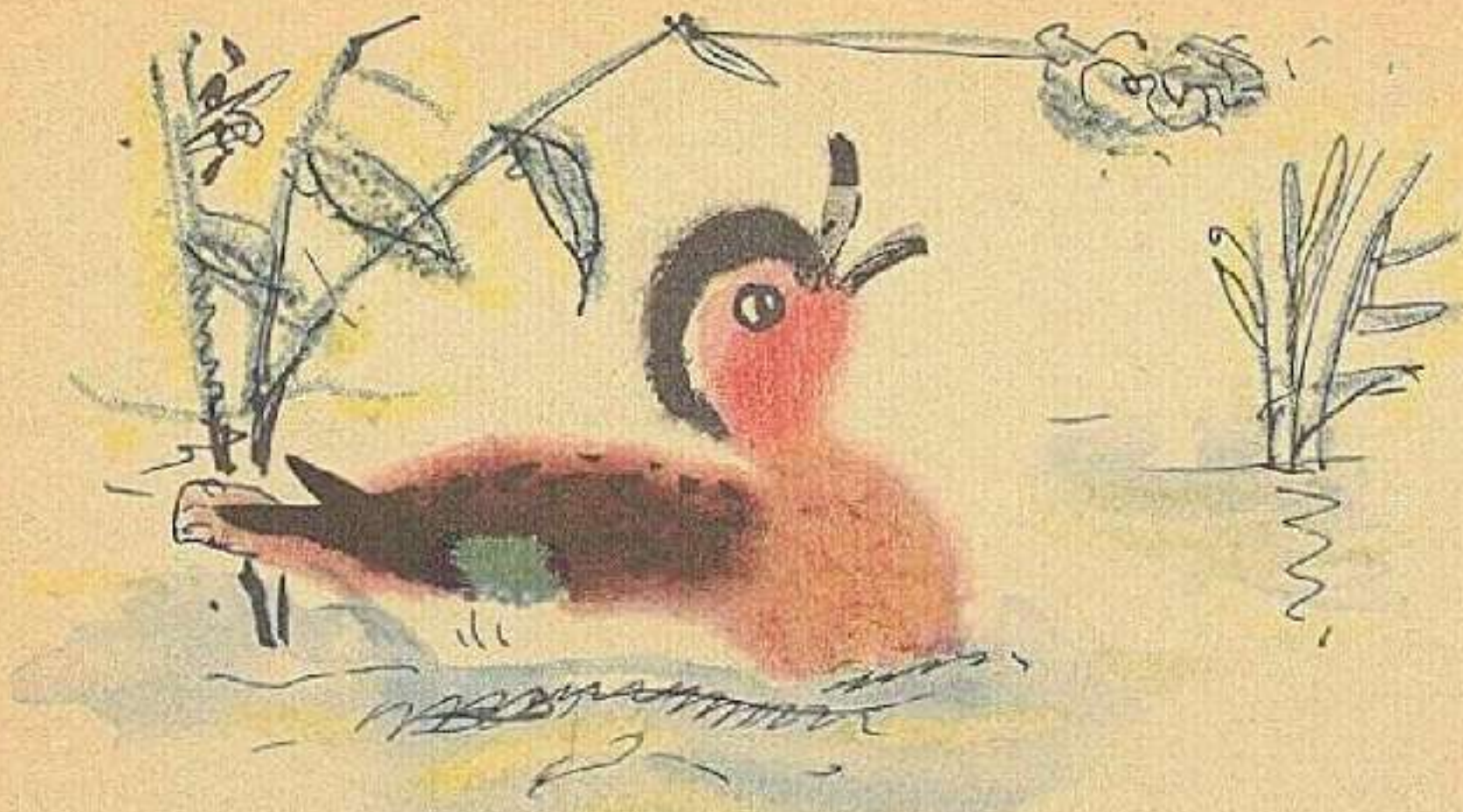
— Одному жить очень трудно, — сказали бульдуруки. — Тем более чирку, маленькому, беззащитному.

— Теперь это я и сам понял. Спасибо, до свидания. Никогда не надо думать, что ты самый умный из всех чирков. — С этими словами Кряк учтиво поклонился бульдурукам и полетел дальше.

Утром показалось озеро Тенгиз. Кряк не сел, а прямо упал в воду и пил, пил, пил так, что немного раздулся, как пузырь.

Наслаждаясь водой, он заметил на песчаном островке огромную стаю фламинго.

— Здравствуйте, друзья! — воскликнул Кряк. — Нет ли среди вас мудрейшего дядюшки Фламинго из Египта?

— Мы все мудрейшие и все из Египта, а дедушку Фламинго, который уже целый век работает воспитателем, мы все любим и почитаем. Вон он стоит на одной ноге и сторожит нас.

Кряк подплыл к старому Фламинго и, привстав на воде, в знак приветствия, захлопал крыльями.

— Доброе утро, дедушка Фламинго. Вот и я, вот и я! Все-таки я нашел вас и хочу поблагодарить за добрые советы.

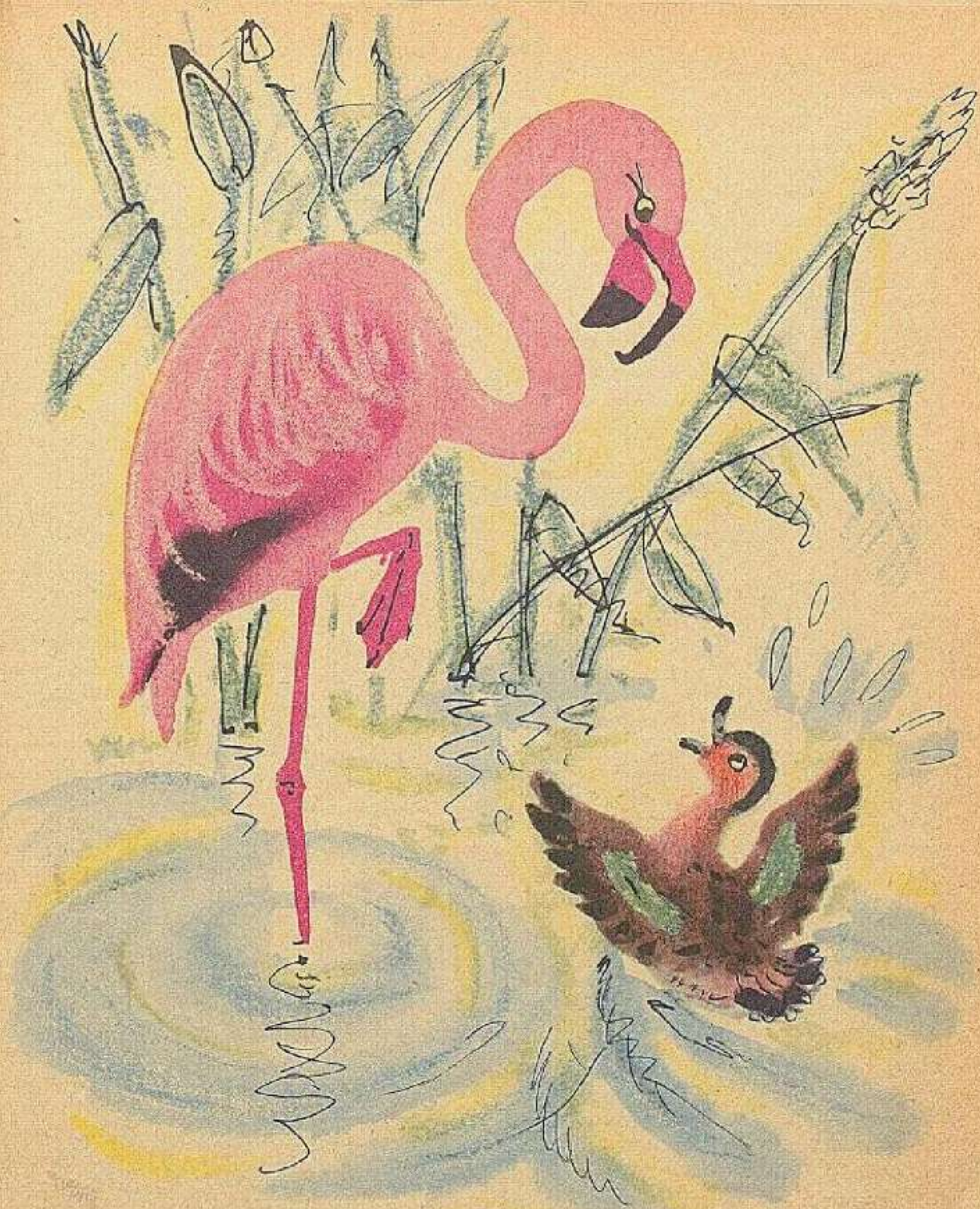
— Которым ты, однако, не последовал! — добродушно ответил дедушка Фламинго.

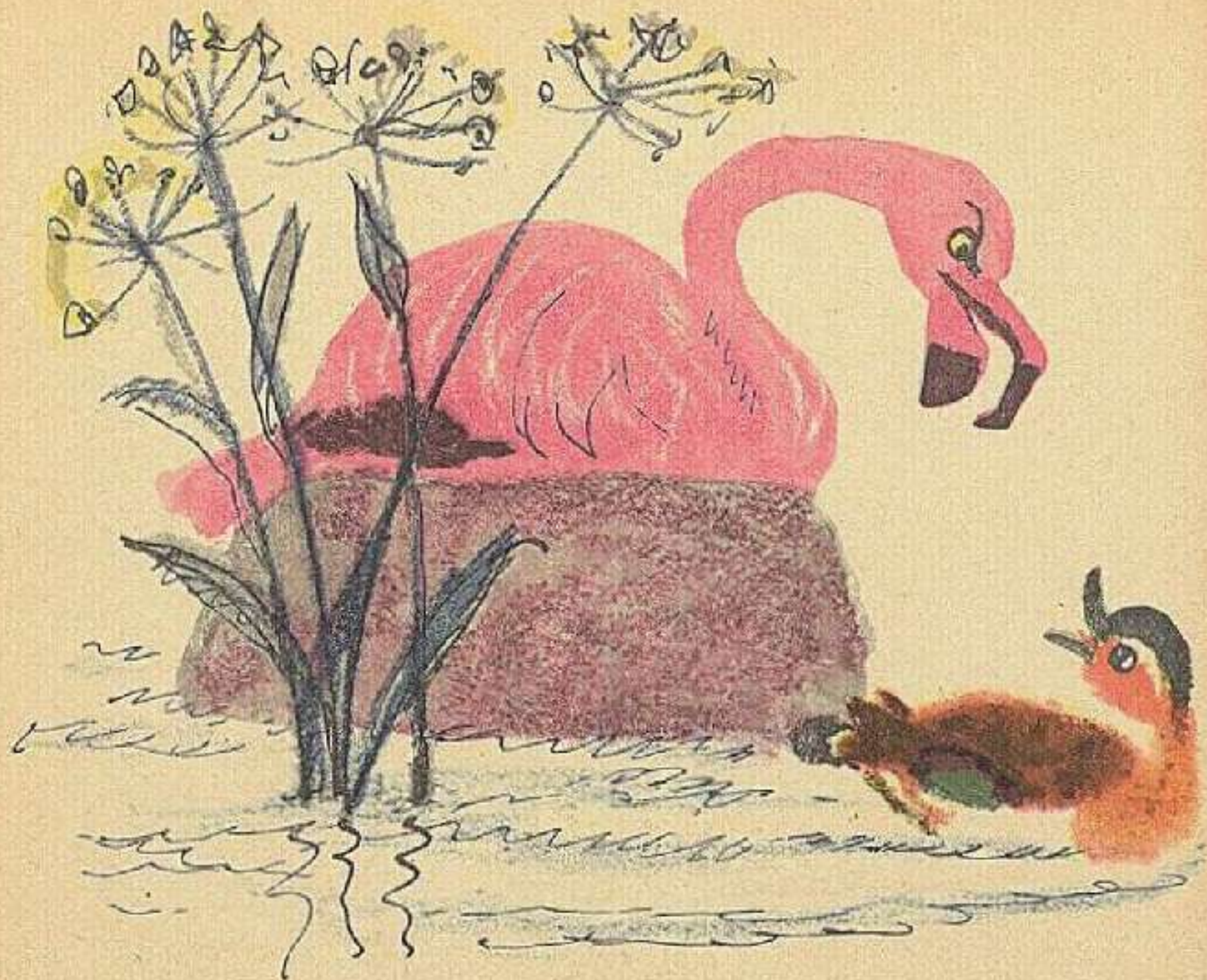
— Да, да. Я поступил как раз наоборот и в результате потерял несколько хвостовых перьев и отстал от своей стаи.

— Они совсем недалеко. Еще несколько перелетов, и ты будешь с ними.

— Спасибо, спасибо. Я лечу!

— Да не забудь передать им, чтобы гнезда делали повыше, лето будет дождливое, вода высоко поднимается.

— Это же уткам не страшно, дедушка Фламинго. Вы слишком предусмотрительны.

— Это страшно всем. Вон одна дура из моих сородичей на старое гнездо села, и все ее яйца затопит. Я ее три раза предупреждал, чтобы прошлогоднее гнездо сделала выше. Летом будет больше воды в озерах — не послушалась только она одна!

— Почему вы не слушаетесь мудрого Фламинго? — спросил Кряк у важной птицы, сидящей в старом низком гнезде.

— А чего мне его слушаться? Погода отличная, я поскорей выведу потомство и дело с концом, а другие занимаются глупым строительст-

вом, лепят из глины надстройки на прошлогодние гнезда, делают их выше.

— Вы знаете, это, по-моему, неплохо, если молодежь слушается такого многоопытного Фламинго. Он же вам хочет хорошего. Он и мне хочет хорошего, хотя я вам не родственник.

— А чего ты суешься, ничтожный чирок, в дела благородного Фламинго, ступай к своим и крякай там на здоровье, а в наши дела не вмешивайся.

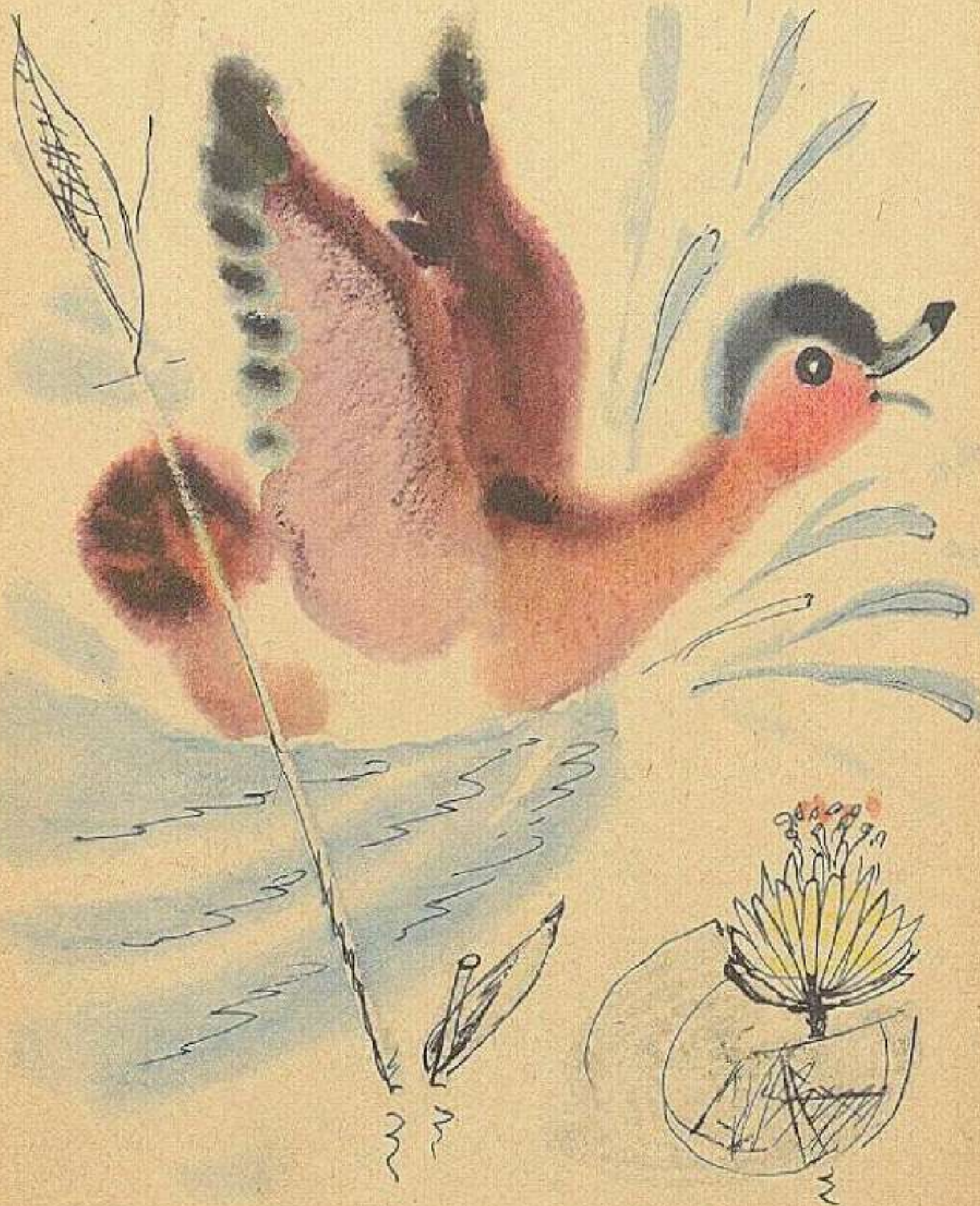
— Странная вы, — с огорчением сказал Кряк и полетел дальше на семер.

Наконец с высоты он увидел прекраснейшее из всех земных озер — Балхаш.

Оно сверкало посреди огромной равнины, окруженное тростниковыми зарослями по берегам. Быстрые речки с Тянь-Шанских гор несли в него свои холодные воды.

Тут было столько разной водоплавающей птицы, что Кряк никак не мог найти свою стаю чирков.

ДОМА

ряк летел над берегами Балхаша и никак не мог поверить, что он дома.

Балхаш был окружен высоким тростником. Среди этих тростниковых джунглей были заметны островки, как небольшие бугры, и бесконечные протоки рукава реки Или.

И во всех этих живых уголках сейчас кипела горячая работа. Бесчисленные стаи птиц вили гнезда.

Кулики проносились стаями с писком низко над водой. Красавцы селезни блистали опереньем.

Цапли важно ходили недалеко от берега, высоко поднимая свои тонкие ноги.

«Где же моя стая, где же мои родные чирки?» — думал Кряк, вглядываясь в панораму весеннего строительства.

Он с полного лета сел на воду, затормозив движение крыльями, как учил его египетский Ибис, и подплыл к чомге, важно плавающей на своем гнезде по заливчику.

— Прекрасная Чомга, не видели ли вы наших чирков?

— А в чем дело? — удивилась Чомга. — Сейчас уже нет стаи. Сейчас каждый живет сам по себе. Сейчас каждый должен создать лучше условия для семьи, чтобы на свет появились крепкие малыши и смена наша росла здоровой.

— Милая Чомга! Всему утиному царству грозит великая опасность, — продолжал Кряк.

— Если утиному, то это и меня касается, говори, что за опасность.

— Будет наводнение, очень сильный подъем воды.

— Откуда ты знаешь? Такой маленький и знаешь, вон большие селезни плавают и не знают, а ты знаешь, — засмеялась Чомга.

— Мне рассказывал старый Фламинго. Он всегда говорит правду. Он мудрая птица. Дважды я не верил ему и за это страдал.

Чомга усмехнулась: — Меня лично твое сообщение не беспокоит.

— Почему? Разве ты не хочешь высидеть яйца.

— Я уже сижу на яйцах, — снисходительно заметила Чомга. — Но видишь ли, я современная птица, гнездо у меня плавучее, и я поэтому не завишу от размеров паводка.

— Чего же ты сразу мне не сказала, что тебя это не интересует, я бы не стал терять времени.

— Я очень любопытна. Я буду очень рада, если затопит яйца куличка, настолько ленивого, что вместо гнезда вырыл на берегу озера ямки в песке, снес туда свои четыре яйца.

— Разве можно быть такой жестокой, прекрасная Чомга?

— А почему бы и нет? Меня обидел один куличок, и теперь я ненавижу всех.

— Мне очень жаль, что у меня такая несправедливая родственница, которая думает только о себе, — сказал Кряк и полетел низко над водой, сообщая всем встречным о предстоящей беде.

— Будет большой паводок, большая вода, — кричал он. — Стройте гнезда повыше.

Кряк встретил хохлатую чернедь и, заметив, что она делает гнездо у самого берега, взволнованно сказал:

— Что ты делаешь? Ты же должна подумать о потомстве. У тебя затопит гнездо, погибнут яички, а может быть, и малыши.

Хохлатая чернедь посмотрела насмешливо на Кряка и задорно потрянула головой:

— Мне уже птички камышовки рассказывали подобные сказки. Интересно, кто это на Балхаше распускает подобные слухи? Я бы ему весь хвост выщипала. Глупые камышовки в этом году строят гнезда очень высоко на тростнике и уверяют всех, что лето будет дождливое и вода поднимется высоко.

— Ты не поверила камышовкам? — переспросил Кряк.

— А чего им верить, они чуть побольше стрекозы и берутся мне советовать.

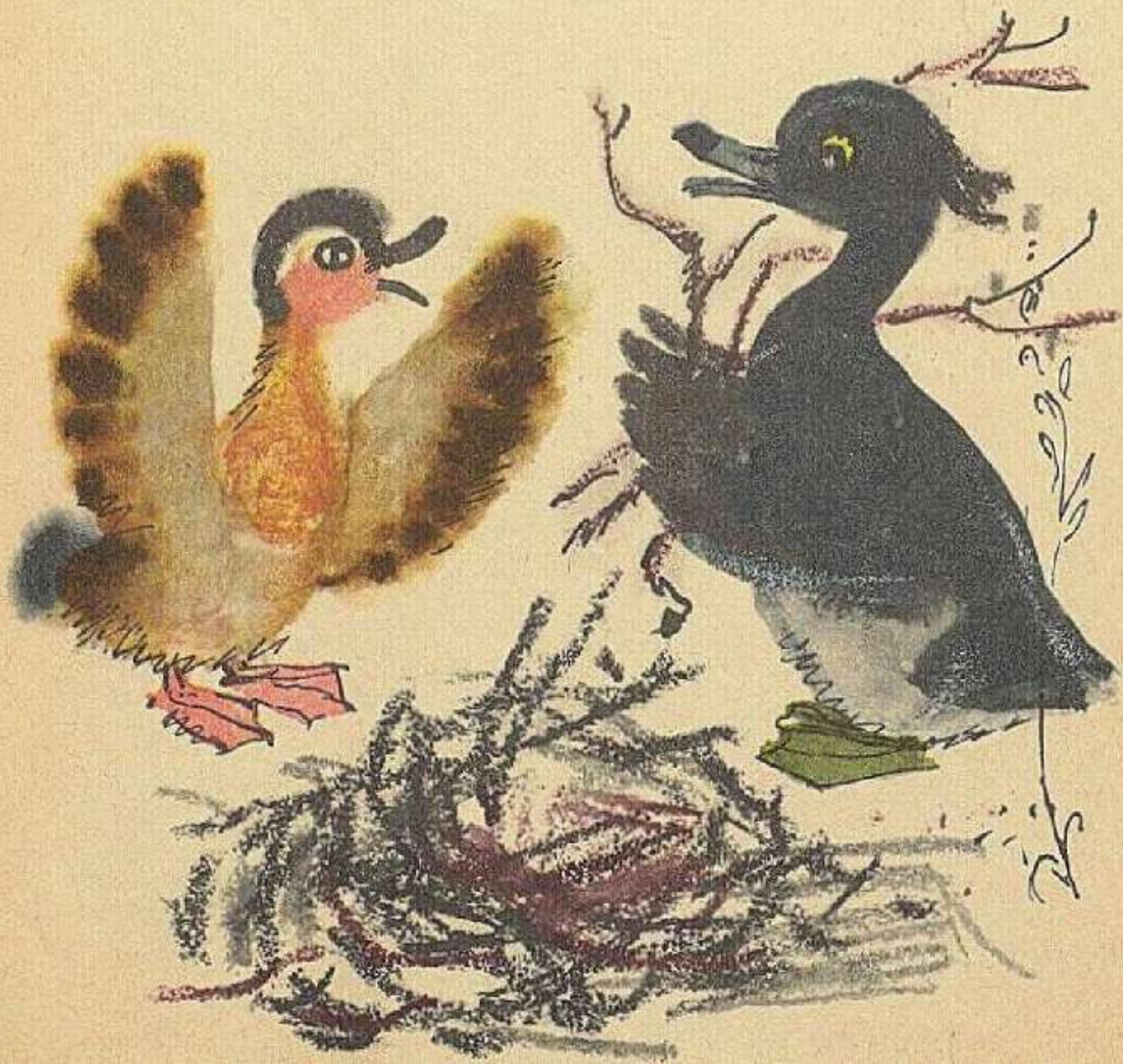

— Разве для того, чтобы сказать правду, надо быть величиной с крокодила?

— Я знаю, кому верить, кого слушать. Если бы сказал пеликан, вот это да, вот это авторитет. Он таких, как ты, может сто штук проглотить и не поморщиться.

— Я тебя не могу убеждать, Хохлатая чернедь, мне очень некогда, но прислушайся к тому, что говорим мы с камышовками, и ты увидишь, что мы говорим правду.

— А вот и нет, — сказала серая фазанка, выглядывая из-за веток с

островка. — А вот и нет. Ты, чирок, много взял на себя — учить всех нас!

— Да я вовсе не учу. Я просто сообщаю вам сведения, полученные от Фламинго, а Фламинго никогда не ошибается в предсказании погоды.

Кряк полетел дальше. Ему очень хотелось встретить своих, и он махал крылышками изо всех сил.

И вдруг его окликнули:

— Кряк, лети сюда!

Он сделал крутой разворот, сел на воду и поплыл в направлении голоса, показавшегося ему очень знакомым.

К великой радости он увидел свою сестру. Она сидела на гнезде. Вид у нее был озабоченный и вместе с тем взволнованный.

— Сестренка, моя милая Кря, как я рад! — воскликнул он, подплывая к гнезду и нежно дотрагиваясь до клюва Кря своим клювом. — Давай на радостях поныряем вместе, как это мы делали в давнем детстве, и я расскажу все, что со мной произошло.

— Я бы с огромным удовольствием, но не могу. Ты понимаешь, я занята очень важным делом: сижу на гнезде и вот сейчас как раз сношу первое яйцо. Это требует напряжения всех моих сил.

— Когда же ты прилетела? — спросил Кряк, плавая вокруг сестренки.

— Сразу после окончания бури. Мы очень горевали о тебе, но так все и решили, что тебя либо убила молния, либо съела акула.

Кряк был так рад встрече, что не сразу вспомнил, о чем он должен ее предупредить.

— Тебе нужно срочно переезжать на другую квартиру, — вдруг строго сказал он.

— Мне, почему? — удивленно подняла глаза Кря.

— Будет сильный разлив. Все зальет, и твоё гнездо.

— Откуда ты знаешь?

— От почтенного Фламинго. Он на озере Тенгиз главный синоптик — никогда не ошибается.

— Но куда же я перееду? Тут перенаселение, все места заняты.

— У меня идея, — радостно воскликнул Кряк. — Я сейчас, — сказал он и, лихо поднявшись с воды, куда-то улетел.

Кря ждала довольно долго. Уже село солнце и вода на озере сделалась стального цвета. По ее поверхности протянулись две огненные, затухающие полосы.

С шумом и писком пронеслись над озером стаи куличков, а потом все притихло.

Только слышно было, как шагает по мелкой воде цапля, наверно, ей не спалось. Иногда в камышах ухала выпь.

Кря отлично разбиралась во всех этих звуках. Зрение у нее было отличное, и она сразу заметила, что красную линию затухающей зари вдруг пересекла птица. Она шла на снижение и с легким всплеском села на воду недалеко от зарослей.

Это был ее братец. Он лихо подплыл к ней, приподнялся, захлопал крыльями:

— Нашел, нашел! Утром ты можешь переезжать в чудесное место и никакое наводнение тебе не будет страшно.

— Расскажи поподробнее, — попросила Кря. — Что за квартира, где она?

— На другом конце залива живут ондатры. Они строят домики из тростника так, что вход в квартиру находится под водой, а крыши над водой. Ондатры — не рыбы, а зверьки.

— Это я знаю, — подтвердила Кря.

— Я обратился к ним с просьбой. Не разрешат ли они, ввиду исключительных обстоятельств этой весны, свить гнезда на одном из их домиков.

— И что тебе ответили?

— Хозяин домика, к которому я обратился, был очень любезен. Он сообщил, что о предстоящем паводке они извещены камышовками и приняты необходимые меры, что он рад помочь нам, добрым соседям, с которыми они никогда не ссорились, и что другие ондатры не будут возражать, если утки, наши родственники и знакомые, сделают гнезда над их домами и поселятся на втором этаже.

— Ах, какие любезные эти ондатры. И не подумаешь, с виду они такие несимпатичные, сутулые, усатые, с широкими сплюснутыми хвостами.

— Это от работы, — сказал Кряк. — Они с зари до зари трудятся. Утром началось переселение.

Кря с грустью посмотрела на зеленоватое яичко, которое она снесла и теперь должна была бросить.

Если бы она могла перенести его в новое гнездо, но лапки ее для этого не были приспособлены, в клюв яичко не помешалось.

Не успела Кря приняться за сооружение гнезда на домике ондатры, как ее примеру последовали другие утки.

Ондатры высовывали из воды свои усатые морды и внимательно смотрели, как их новые соседи устраиваются.

— Торопитесь, торопитесь, — говорили они. — Уже ледники в горах начали таять. Идет большая вода.

Закончив работу, Кря поплыла вместе с братом, последний раз взглянуть на брошенное ею гнездо. Ее очень волновала судьба ее яичка, которое она оставила на произвол судьбы.

Она еще не доплыла до своего гнезда, как услышала подозрительную возню.

— Не спеши, — предупредил Кряк, — сперва посмотрим, кто там.

Они притаились за стеблями тростника и заметили ворону.

Усевшись на гнезде Кря, ворона долбила ее маленькое яичко и, опустив в отверстие клюв, стала пить содержимое.

Кря не выдержала, взмахнула крыльями и налетела на ворону.

Братец даже не успел ее предупредить. Он сам чувствовал ненависть к разбойнице, которая ворует яйца у мирных птиц, и ринулся на помощь сестре с намерением задать трепака вороне, но воровка не приняла боя с ними и поспешно скрылась, что-то хрипло каркнув.

Опечаленная, плавала Кря вокруг гнездышка с расклеванным яичком.

— Не горюй, еще снесешь, ты молодая, — успокаивал ее Кряк.

— Как плохо жить в мире, где ты не можешь отлучиться от гнезда, потому что рядом сторожат разбойники, которые только и ждут момента, чтобы налететь на твоё гнездо и разрушить его.

— Прибывает вода, прибывает вода, страшная вода, — раздались с вершины тростников тревожные голоса камышовок.

Из-за стеблей показалась голова фазанки. Она послушала, о чем кричали камышовки, презрительно цыкнула и опять скрылась.

— Может быть, не садиться в гнездо, обождать? — спросила Кря.

— Твое гнездо сейчас в полной безопасности, — сказала камышовка.

Озеро набухало. Вода заливала прибрежные низины, расползалась по протокам, и казалось, что озеро Балхаш скоро станет морем.

С каждым днем все ярче светило солнце, и чем оно было горячее, тем сильнее таяли ледники в горах Тянь-Шаня, наполняя озеро пресной холодной водой.

Кряк летал над домиками ондатр и радовался. Как хорошо устроились утки в свежестроенных гнездах.

Его сестренка Кря тоже сидела в гнездышке. Вода прибывала уже три дня, но гнездо ее оставалось сухим.

— Сколько ты снесла яичек? — спросил он.

— Сейчас появится второе.

— А сколько думаешь снести еще?

— Я думаю, что шесть вполне хватит. Очень плохо, если один ребенок. Дети-одиночки всегда растут эгоистами. Пусть уж лучше будет много.

— Слишком много тоже плохо, — сказал Кряк. — За детьми глаз нужен. Ты не забывай, что недалеко от нас живут болотные луни.

— Нет, нет. Больше шести у меня пока не будет. Вот стану постарше, поопытней, тогда другое дело, можно и больше иметь детей.

— Тебе что-нибудь принести?

— Нет, сейчас не надо. Я под вечер, когда стемнеет, прикрою пу-

хом яички, слетаю, подкормлюсь, а ты тогда постереги мое гнездо. Скажи, пожалуйста, как поживает фазаниха, которая над нами смеялась? — Сейчас узнаю.

Кряк полетел к берегу, где свила гнездо фазаниха, и увидел ее в тревоге мечущейся около воды.

— Горе мне, горе мне, — жалобно кричала фазаниха, волоча по мокрой траве длинный хвост. — Пропали мои яички, залило мое гнездо!

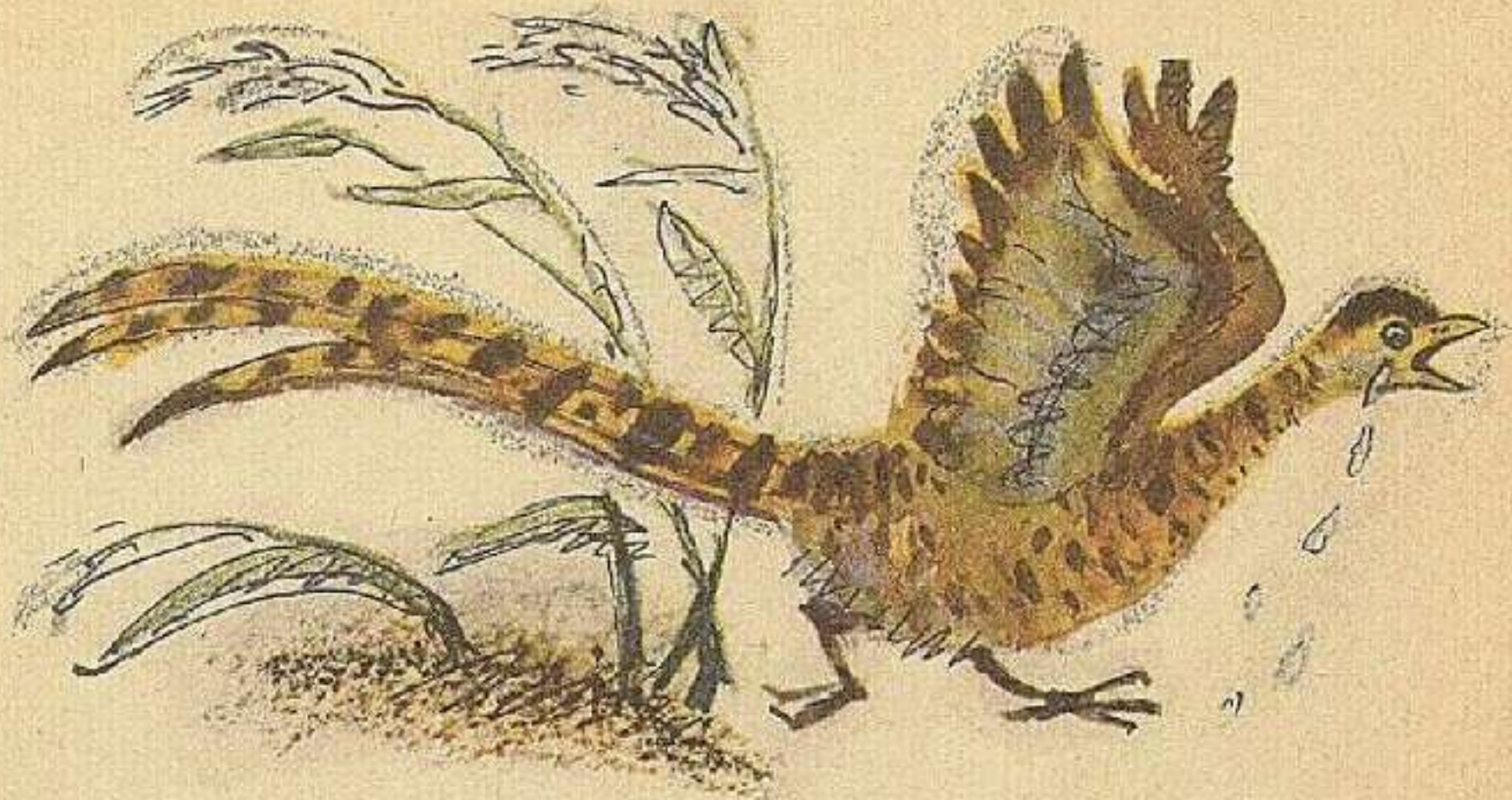
— Я же тебя предупреждал, — крикнул Кряк. — Я хотел тебе хорошего, а ты смеялась надо мной.

Фазанка посмотрела на Кряка и заплакала еще сильнее.

— Я виновата, виновата. Горе мне! — продолжала бегать по берегу, точно это могло помочь ей.

Паводок продолжался несколько дней. Потом вода стала спадать. Все подружки Кря сидели на яйцах и были заняты с утра до вечера.

Только Кряк не завел еще своей семьи. Он опоздал и прибыл на озеро Балхаш, когда уже все семьи чирков сформировались.

Однажды он встретил старую утку, которая встречала двадцатую весну. Она внимательно посмотрела на Кряка и спросила:

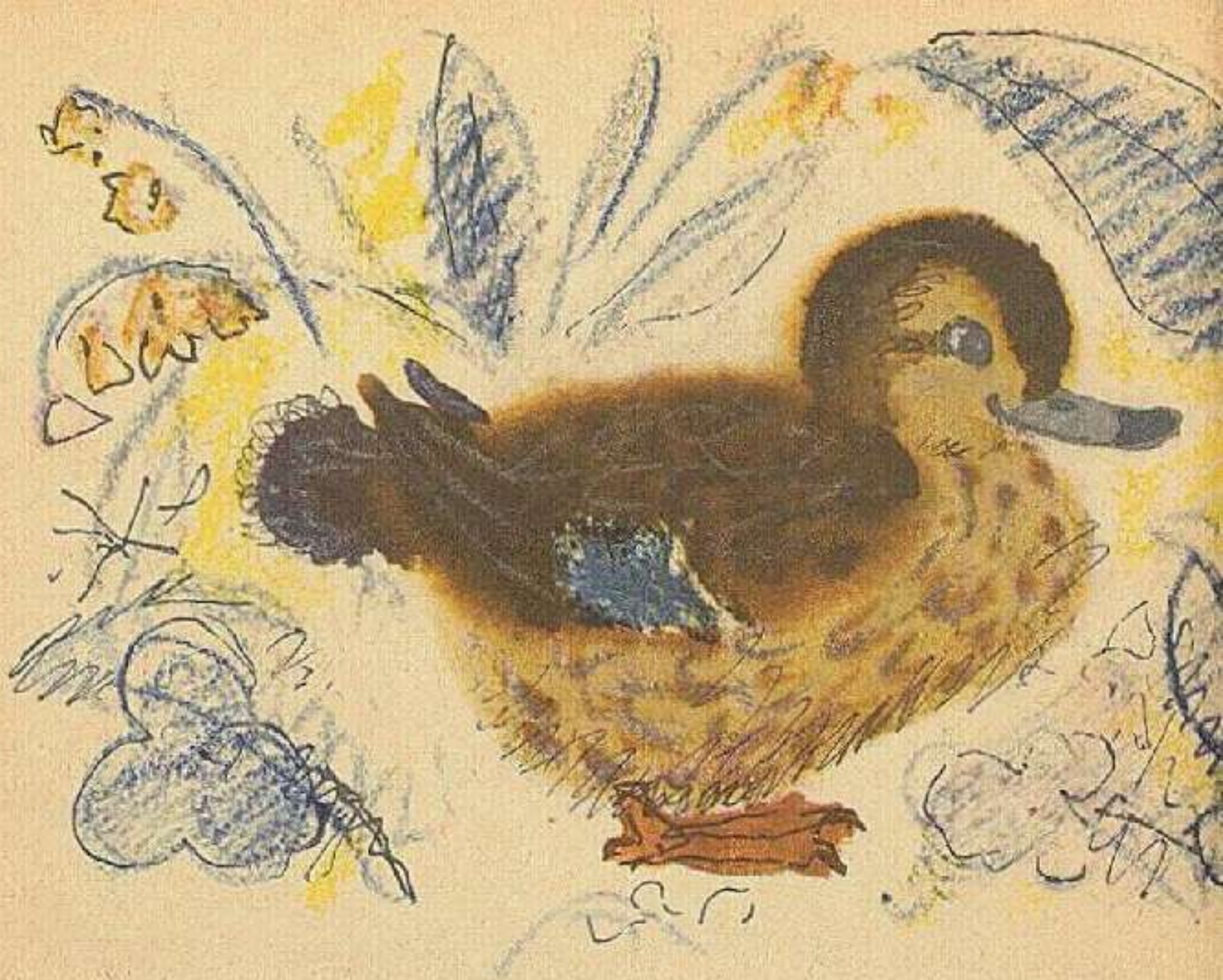
— Что с твоим хвостом?

— Это я потерпел аварию во время перелета, бабушка утка.

— А почему ты одинок? Почему у тебя нет семьи? Я слишком стара, чтобы иметь семью, да и мое потомство за долгие годы превысило стаю в сто штук, но ты ведь молод, но холостой?

— Опять-таки из-за хвоста. Все чирки считают меня неполноценным. За меня никто не хочет выйти замуж, ни одна уточка чирок.

— Тут у меня есть одна, очень скромная, очень милая чирушка. Ее жениха задавила лиса. Она все убивается — плачет. Позаботься о ней! Утешь ее, вон, видишь, она плавает в той протоке и громко плачет.

— Спасибо, дорогая бабушка, я непременно позабочусь о ней, а вы навестите нас через недельку.

Когда через неделю старая утка приплыла в гости к Кряку, уточка уже не плакала. Она сидела на яйцах старательно и тихо. С большим опозданием, но Кряк обзавелся семьей! Теперь он мог с чистой совестью уединиться в густые заросли тростника, перелинять там и предстать перед всем светом в новом летнем костюме с полноценным хвостом.

— Как вы поживаете? — спросила старая утка супругу Кряка.

— Благодарю вас, бабушка, но я озабочена, что детки у меня выведутся позже, чем у других чирят?

— Это ничего, — сказала старая утка. — Я двадцать лет высидывала яйца на этом озере и, помню, однажды села на гнездо еще позже, чем ты. Так что не печалься, милая, лето будет долгим, вы сумеете воспитать малышей. Постарайся, чтобы малыши не повторили ошибок своего отца Кряка. Желаю вам большого утиног счастья!

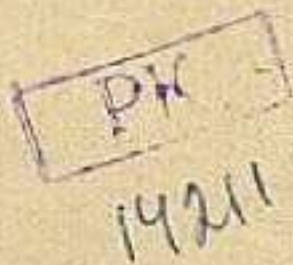
В это время прилетел Кряк.

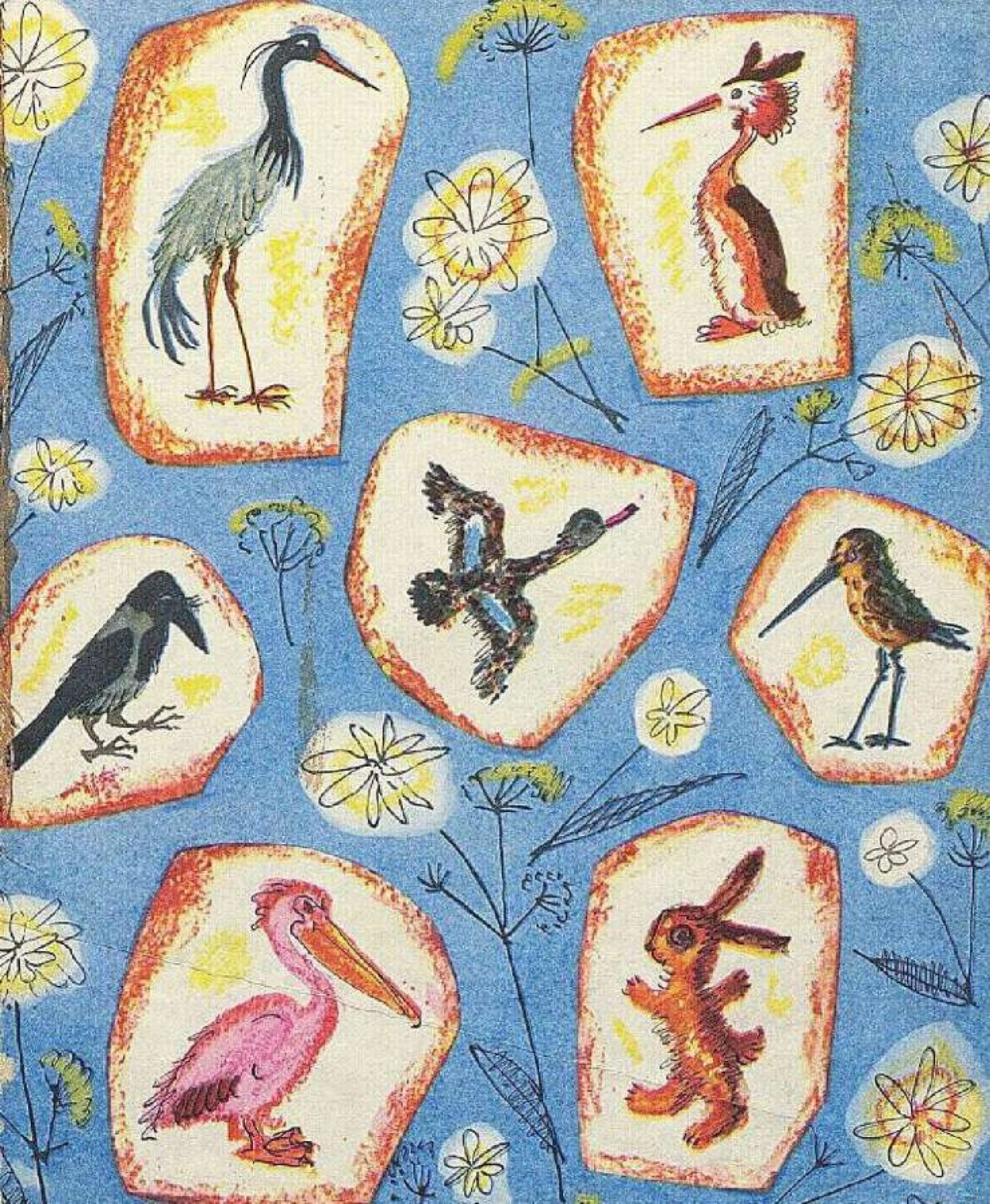
— Я все сделал, что мог, теперь у тебя будут чудесные утята. Пере-

дай им все, что я тебе рассказал, пусть они никогда не повторяют моих ошибок и живут вместе со всеми чирятами! А теперь до свидания. Мне пора линять в уединении и надеть новый свежий костюм.

Уточка благодарно посмотрела на Кряка. Она была счастлива, как и все те, кто добрался из Египта до озера Балхаш и жил в этом самом прекрасном на свете месте.

Она долго кивала головкой Кряку, пока он не скрылся.

Для детей дошкольного и младшего школьного возраста
 МАКСИМ ДМИТРИЕВИЧ ЗВЕРЕВ, МСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕВАШОВ.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КРЯ И КРЯКА

Редактор Ю. Н. Афанасьева

Художественный редактор М. В. Танрова

Технический редактор Т. Ф. Кланцова

Корректор Л. М. Логунова

Издательство «Советская Россия»,
 Москва, проезд Сапунова, 13/15

Сд. в наб. 18. I. 68 г. Подп. к печ. 5. IV. 68 г.
 Формат бум. 84 X 97 1/16. Физ. п. л. 5,0.
 Усл. п. л. 8,4. Уч. изд. л. 7,2. Изд. инд.
 ЛД-60. Тираж 150 000 экз. Цена 52 коп.,
 бум. № 1. Цена 49 коп., бум. № 2.
 Заказ № 106. 7-6-1. 249-68.
 Фабрика офсетной печати № 2 Росгав-
 полиграфпрома Комитета по печати
 при Совете Министров РСФСР,
 г. Дмитров Московской обл., Московская, 3